

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 19 / 2016

Журнал издаётся совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издаётся с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию

статей не взимается.

Суверенитет и легитимность в истории права

Исаев И.А. Суверенитет и суверенность3

Лановой В.Г. Цивилизационный подход
к изучению государства:
концептуальные основы, критерии10

Бредихин А.А. Исторические типы
государственного суверенитета России.....19

Из истории суда и полиции

Воскобойник И.О. Институт представительства
по Уставу уголовного судопроизводства
Российской империи 1864 года26

Попов Ф.А. Судебная система временного
Приамурского правительства в 1921–1922 гг.31

Страхов С.Е. Проекты судебных преобразований
в воззрениях государственных деятелей XIX века39

Комаров Д.Е. Страница военного правосудия:
судьба и трагедия полковника М.Г. Кириллова.....44

Козюк М.Н. Медиация в обычном праве донских
казаков в контексте ее современного развития.....49

Коновалов И.А. Эволюция органов полиции
Сибири в период Первой мировой войны54

Юрчак Е.В. Эволюция принципов
индивидуального и виновного вменения
как условие возникновения и развития
института вины в римском праве60

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@iawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 14.09.2016

Номер вышел в свет 20.10.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов
без письменного разрешения авторов статей
или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной
комиссией Министерства образования
и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание
ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 19 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.
Reg. Pl № ФЦ77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Sovereignty and Legitimacy in Law History

- Isayev I.A.* Sovereignty and Independence 3
Lanovoy V.G. Cultural Approach to State Study:
Conceptual Bases, Criteria..... 10
Bredikhin A.L. Historical Types of State
Sovereignty of Russia 19

Glimpses of Court and Police History

- Voskobojnik I.O.* Representation Concept
under the Statute of Criminal Procedure
of the Russian Empire of 1864 26
Popov F.A. Judicial System of the Provisional
Priamur Government in 1921–1922 31
Strakhov S.E. Projects of Judicial Reforms
in the Views of Public Officials of the XIX Century 39
Komarov D.E. Chapter of Military Justice:
Fate and Tragedy of Colonel M.G. Kirillov..... 44
Kozyuk M.N. Mediation in the Customary Law
of Don Cossacks in the Context
of its Modern Development 49
Konovalov I.A. Development of Siberia
Police during the First World War..... 54
Yurchak E.V. Evolution of Principles of Individual
and Fault-Based Liability as a Condition for Emergence
and Development of the Guilt Concept in Roman Law..... 60

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 14.09.2016
Issue was published 20.10.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat' — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Суверенитет и суверенность: пространство отчужденности и власти

*Исаев Игорь Андреевич,
заведующий кафедрой истории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kafedra-igp@yandex.ru*

В статье затрагиваются базовые вопросы правовой теории — соотношение суверенитета как статуса и суверенности как качества и свойства правовой реальности. Характеристики правового суверенитета сопоставляются с признаками такой политической формы, как абсолютная монархия, для которой суверенитет был определяющим фактором и стилем. Авторитарность, порождая суверенитетом, тесно связана с проблемами господства и подчинения. Автор анализирует такое понятие как «эстетическое государство», рожденное в эпоху Ренессанса и трансформированное в процессе развития суверенитета и абсолютной монархии. Особое значение при анализе проблемы имеет также такая категория, как «индивидуальный закон», используемая при определении суверенитета и суверенности. Пересечение правовых, культурных, психологических элементов позволяет полнее раскрыть наиболее важные аспекты проблемы.

Ключевые слова: право, закон, суверенитет, суверенность, авторитарность, власть, должностное существование, субъект, общность, насилие, король, двор, конституция, чрезвычайное положение, исключение, абсолютизм.

Sovereignty and Legitimacy: Limits of Detachment and Power

*Isayev Igor A.,
Honored Scientist of the Russian Federation
Head of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctor of Law, Professor*

The article deals with the basic issues of legal theory - the correlation of sovereignty as the status and independence as the quality and property of legal reality. Features of legal sovereignty are compared with attributes of such form of government as absolute monarchy, for which sovereignty was a key factor and pattern. Sovereignty-generated authoritarianism is closely related to the issues of domination and subordination. The author analyzes such a term as "Aesthetic State" originated in the Renaissance period and transformed in the process of development of sovereignty and absolute monarchy. While analyzing the issue, such a category as "Individual Law" used in the definition of sovereignty and independence is also of key importance. The overlapping of legal, cultural, psychological elements makes for better cover of the key aspects of the issue.

Key words: law, statute, sovereignty, independence, authoritarianism, power, obligatoriness, individual, community, violence, king, court, constitution, state of emergency, exception, absolutism.

Суверенитет как политический стиль

Жорж Батай как-то заявил, что он не знает более значимых вещей в политике, чем власть и суверенитет. За четыреста лет до него формулу суверенитета уже вывел Жан Баден, честно сославшись на своих предшественников, открывших идею Аристотеля, Полибия и Дионисия; первым же из тех, кто поставил задачу суверенитета, Агамбен называет Протагора. Однако истоки идеи все еще теряются в глубокой древности и мифе...

Суверенитет выходит на историческое и политическое пространство Европы од

новременно с абсолютизмом и барокко. Стиль, который предлагала человечеству эта эпоха, претендовал на первичную креативность и отвергал подражательность, столь свойственную позднему Средневековью. Суверенность предполагала самосредоточенность и самоорганизацию, одновременную независимость «от» и «для», проявленную вовне и артикулировано выраженную самость политического субъекта. Перефразируя Бюффона, самость — сама по себе есть стиль, в котором достаточно эффективно подавляется внутренний хронический конфликт: здесь вы-

ражение «равенство» напоминает о некоем политическом романтизме, и поскольку эффективным оказывается именно спор, нацеленный на достижение равновесия и баланса, а не философское обоснование политических принципов, то вполне допустимой кажется и замена идеи политического обоснования идеей политического стиля.

Допустимость замены «истины» предполагаемой идеологической политикой, красотой эстетической политической теории подтверждается уже тем обстоятельством, что «более важным для массы народа являлось не столько осознанное почитание собственных правителей, сколько театральная блеск самой их власти: у двора и аристократии есть одно великое свойство, которому они обязаны своей властью над массой... Это свойство — заметность»¹.

Индивид, помещенный в пространстве политического порядка без какой-либо репрезентации, казалось, уже не нуждался в том, чтобы выйти за собственные пределы и посмотреть на мир с иной точки зрения, оставаясь чужим в этом политическом порядке: традиционная «миметическая репрезентация» создавала такой порядок, в котором все были убеждены, что они уже существуют в гармонии с коллективом: «эстетическая же репрезентация меняет это отношение»² — только благодаря своей эстетической репрезентации индивид становится актуальным и суверенным микроскопом политического порядка.

Еще Шиллер мечтал о такой форме идеального сообщества, о некоем эстетическом государстве, в котором раскрываются все лучшие качества личности. Суверенность же, как политическое качество и интенция, всегда предшествовала появлению суверенитета как статуса, при этом сохраняя свойства интимного и внутреннего, противостоящего публичному и внешнему. Процессы исторического развертывания, происходящие в дальнейшем, только закрепляют это противостояние: суверенность все больше и больше будет связываться с представлениями о внутренней свободе субъекта, а суверенитет — с абсолютистскими устремлениями власти: пер-

вая тенденция начинает формироваться из духа Ренессанса, подпитываемая античной, особенно стоической традицией, вторая достигнет своего апогея только в эпоху «короля-солнца».

Двор Людовика XIV, по замечанию самого наблюдательного современника, представлял собой пространство, в котором была выражена сама личность суверена, двор с его замысловатыми ритуалами формировал и общий стиль власти, и его внешнюю персонификацию. Сами попытки подражать государственности «короля-солнца», предпринятые целым рядом монархов, указывали на сформированный его правлением политический стиль, на факт наличия особого стиля власти. Суверенность становилась модой для европейских монархов, сама будучи заимствованной из политического стиля римских цезарей. Ренессанс, барокко и даже Просвещение привнесут в систему суверенного властвования слишком многие черты давно ушедшей античности (подмешав к этому становившиеся модными восточные и особенно китайские мотивы).

Очевидно, что этикет для короля являлся не только инструментом для статусного дистанцирования, но и для организации и демонстрации господства. Сам Людовик XIV заметил по этому поводу: «Для публики очень важно, чтобы ею управлял один, ей также необходимо, чтобы тот, кто выполнял эту функцию, находился на такой недосыгаемой высоте, где его нельзя было бы ни с кем спутать, ни с кем сравнить. И невозможно отнять у правителя ни одного знака его превосходства, который выделяет его перед всем обществом, не нанеся при этом вреда всему государству». Народ просто не верит в такую власть, которая, хотя и существует, но не проявляется зримо, выражаясь в манере поведения самого властителя. И чем отдаленнее дистанция между правителем и его подданными, тем больше будет почтения к нему народа. «Народ должен видеть, чтобы верить»³ — выражением такой направленности внимания всего государства на особую короля и на ее возвышение или обособление становится этикет.

Государство как «произведение искусства», несомненно, появилось еще в эпо-

¹ Беджот В. Государственный строй Англии. М., 1905. С. 332.

² Анкерсмит Ф. Эстетическая политика. М., 2014. С. 76–77.

³ Цит. по: Элиас Н. Придворное общество. М., 2002. С. 147.

ху Ренессанса и об «эстетическом государстве» мечтал Шиллер. Эстетика абсолютной суверенной монархии выражалась в величественности и недостижимости, барочные небеса стали местом обитания почти божественного монарха, а демонстративная удаленность его от брэнной земли подчеркивала его верховный статус: именно оторванность, исключительность, дистанцированность создают образ суверена. Ж. Боден, естественно отдавая предпочтение монархической форме государственности, полагал, что именно только она одна и способна гарантировать настоящее беспристрастие в деле применения законов; эта способность базируется либо на справедливости, либо несправедливости монарха (последнее случилось, когда человек, наделенный полновластными полномочиями, «окружал себя бандой разбойников и склонял наиболее слабых к рабству»⁴, уже сама эта власть приобреталась путем преступления). «Нормальный» же путь к ограниченной монархии как благородной цели обычно совершают демократия и олигархия, что кажется вполне созвучно их природе, считает Болен. (В этом же будет убежден и Дж. Вико, увидевший в монархической форме искомый итог государственного развития).

Динамика различных политических форм неоднородна: монархии почти всегда плавно переходят в тиранию, правда, без особого насилия, аристократия — в олигархию, демократия — в охлократию. И только переход от тирании к народной форме правления всегда имеет насильственный характер⁵, здесь социальность вытесняет героические (М. Вебер сказал бы «харизматические», а Батай — «трагические») основания общности, для которых суверен традиционно являлся неотъемлемой и неоспоримой вершиной становления. Ведь именно суверен вносил в политическую форму черты блеска и великолепия, барочного излишества и политического драматизма. Героическое немислимо без трагизма, как социальное — без равновесия, сострадания и защищенности. «Здесь обнаруживается различие в рангах между трагическим и социальным миром, в котором

страдание обусловлено внешними отношениями и потому ожидается его преодолением извне. Здесь внешнее не выражение и средство, а суть и цель. Это делает социальную драму противоречием о себе самой, так как в ней не трагическая, а гуманитарная и цивилизационная задача решается трагическими средствами» (Эрнст Юнгер)⁶.

Суверенность как качество вполне может быть индивидуальным, суверенитет как статус и вместе с тем функция всегда предполагает наличие коллективности. С этим связаны, соответственно, частный характер первой и публичный характер второго, не соприкасающиеся друг с другом аллюзии свободы и подчиненности.

Однако реальные социальные различия лежат уже в самой основе суверенитета и своим полаганием суверенности «люди минувших столетий сами когда-то придали этой дифференциации весь ее размах». В плане суверенности упразднение различий имело бы негативную значимость: «Решительная центральная воля к их упразднению, ненависть к суверенным формам, к тому, что произвольно выражает и обеспечивает личную суверенность господина, — такова основа всякой революционной суровости». Но суверенность не может рассматриваться только как форма, которую воплощает история: «Если она и появляется в перспективе истории, то на самом деле она уже имелась; история лишь освобождает людей от того, что мешало им ее найти»⁷ — суверенность изначально и противостоит тотальности, как изначально свет противостоит тьме.

Суверенность не следует смешивать с автономным решением индивида. «Если в автономном решении не проявляется суверенный принцип, преодолевающий все служебное, то оно может и не заключать в себе ничего суверенного, оно может быть даже рабским и знаменовать порабощение человека, который свободно его принял. По своей глубинной сути суверенность не содержит ничего личного»⁸. Поэтому суверенные институты прошлого существовали вполне объективно. Король,

⁴ Болен Ж. Метод легкого изучения истории. М., 2000. С. 192–193.

⁵ Там же.

⁶ Юнгер Э. Рискующее сердце. СПб., 2010. С. 249.

⁷ См.: Батай Ж. Суверенность // Проклятая часть. М., 2000. С. 390, 397, 341.

⁸ Батай Ж. Указ. соч. С. 344.

окруженный короновавшим его духовенством, был как бы отражением той общей суверенности, что заключала в себе сокровенные душевные движения народа и толпы. Смысл королевской власти, в которой единство разных аспектов суверенности устанавливалось для других и объективно, не имел отношения к личным потребностям самого короля: «требовалось отвечать желаниям народа, равнодушным к тем личным задачам, которые мог ставить перед собой король».

Но в действительности суверенность никогда не бывает абсолютно объективной и, более того, обозначает глубокую субъективность: она дана только в воображении, которое только и способно сделать с нею то, чего не может осуществить даже воля целого народа. Человек массы видит в суверене не отвлеченный объект, а личного субъекта: суверен обладает привилегией быть для него тем внутренним существом — той глубинной истиной, к которой относится важная часть его усилий, как раз та, что он отдает другим. Суверен становится как бы посредником между ним и другими. Людям кажется, что какой-то человек вполне удачно замещает их, умеет говорить и отвечать вместо них: «Когда суверенное достоинство утверждается и относится к субъекту, вещи недвусмысленно подчиняются ему. Но ничто не изменяется и тогда, когда явная суверенность отменяется и вместо нее появляются сглаженные и закамуфлированные формы». Традиционная суверенность всегда подчеркнута, чтобы быть хорошо видимой и именно такая суверенность, как исключительная (один единственный субъект), имеет преимущественное право над остальными⁹.

Республиканские идеологии уже в середине XVII века поднимали голову во Франции и в Англии. Защищаться от них с помощью рациональных методов и договоров было сложным делом, и монархия в борьбе с ними была вынуждена все вновь и вновь подчеркивать свои духовные, мистические преимущества и элементы: «на величие суверена нельзя было смотреть, чтобы не осквернить его взглядом». Особый же статус монархии выражался преимущественно через ее публичность, поскольку при этом появлялась возможностьoble-

вать самые, казалось бы, обычные жесты и действия государя почти небесным достоинством и величием: «точность и пунктуальность были необходимыми качествами для правителя, биоритмы которого сопоставлялись с гармонией небесных тел».

Барокко как раз и стало тем стилем, который продемонстрировал миру, насколько все другие стили непригодны для пропаганды королевской власти — за всем этим крылось стремление монархов поразить воображение людей: а «им требовалось *«maiestas»*, внушительное, великолепное действие». И чем меньшими средствами принуждения обладали монархи, тем сильнее старались внедрить в умы своих подданных идею повиновения, вовлекая их в этот роскошный спектакль. Достоинство, справедливость, благочестие и военная мощь монарха находили отражение в произведениях литературных пропагандистов, а их праздники и процессии изобиловали достаточно откровенными аллюзиями на библейские и античные сюжеты, настраивая зрителей на мистический лад¹⁰.

Вообще барокко означает излишество. Барокко с его метафорической чрезмерностью, напыщенностью и искусственностью, холодной и расчетливой бесчувственностью было насквозь проникнуто и мобилизовано апокалипсическими видениями; в поэзии барокко доминировали мотивы конца света. (Автор периода тридцатилетней войны писал: «Эта жизнь подобна кораблю в бушующем море, ... другим тысячам «нет», сопряженным с быстротечностью. И время, в котором мы живем, это — настоящая ночь, полная ужаса и опасности»¹¹). Суверен существовал в мире трагических крайностей, героики и жертвенности. Власть возвышала и тяготила одновременно, законодательствуя, суверен ограничивал сам себя: противоположности сходились, как сходятся в барокко идеи целостности и доскональной детализации. Тиран и мученик одновременно и в одном лице в эпоху барокко — это две стороны двуликого Януса коронованной особы, два необходимых крайних воплощения монаршей сущности: «Теория суверенитета, для которой частный случай развития

⁹ Батай Ж. Там же.

¹⁰ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 191.

¹¹ См.: Гильманов В.Х. Симон Дах и тайна барокко. Калининград., 2007. С. 34–35.

диктаторских полномочий становится образцовым, подталкивала к тому, чтобы придать образу суверена тиранические черты, даже там, где обстоятельства к тому не принуждают»¹².

И Боден, и Гоббс поочередно попытались выработать в теории суверенитета некий концептуальный инструмент, позволяющий уменьшить автономию и инерцию конкретной политической сферы, чтобы покончить с конкретными ужасами конкретной гражданской войны. Их теории позволили в какой-то мере обуздать инерцию или холизм современной им политической реальности и дали возможность понять, что в самой политической сфере имманентно заложена некая целостность или коллективность, собственная воля, более сильная, чем политическая воля всех индивидов вместе взятых¹³, — целое оказывалось большим, чем сумма составлявших его частей. (О правлении Людовика XIV было сказано: это был абсолютизм в его совершеннейшей форме, — он оторвался от своих корней. Он отстранился от общества и институтов, некогда созданных французской монархией. Но чтобы быть единственным и превосходить всех, король должен был также удалиться и от центра страны, для чего он построил в Версале не просто новый дворец, а настоящий символ абсолютизма¹⁴. Этот новый порядок оценивался А. Токвилем как настоящий деспотизм: «Я вижу неисчислимые толпы равных и похожих друг на друга людей... Над всеми этими толпами возвышается гигантская охранительная власть..., следящая за судьбой каждого в толпе. Власть эта абсолютна, дотошна, справедлива, предусмотрительна и ласкова... Власть эта стремится к тому, чтобы сохранить людей в их младенческом состоянии»¹⁵. Это власть опекуна).

Образ суверена двоится в нововременной картине политического мира уже потому, что парадигма «двух тел короля» порождает неустойчивость и в его восприятии: непреходящее королевское высочество сопрягается здесь с физическим телом монарха, которое трагически подверже-

но слабостям и смерти. (У Сен-Симона сам образ короля одновременно подвижен и статичен. Людовик в последние годы царствования демонстрирует классические негативные характеристики суверена: в трудной политической ситуации он замкнулся в себе, подавляя «двор, совесть, своих подданных и все несчастное королевство гнетом все более ужесточающейся власти, стремясь с помощью плохо согласованных средств как можно больше расширить ее пределы, чем только выказывал свою слабость, которой с презрением злоупотребляли его враги»¹⁶). Личность абсолютного монарха оказалась последним препятствием на пути к анонимизации любого политического действия и мысли, которые теперь могли начать жить вполне независимо от самих породивших их деятелей и мыслителей. Казнь Людовика XVI не только станет концом некоего периода политической истории, но и ознаменует собой конец традиционалистской философии действия: «Молчание воцаряется вместо шумного театрального представления себя, которое было характерно для общества XVIII века». Теперь молчание и безразличие станут историческими силами, и в них все видимые политические взаимодействия выйдут за пределы ставшей архаической модели стоицистского социального порядка¹⁷.

Символизм суверенной власти выражался в одной, еще Платоном идеализированной геометрической форме или фигуре — сфере. Космоподобная закрытость суверенного пространства власти здесь была наиболее четко артикулирована: шару, как символу космоса, приписывался величественный предикат силы — над ним властвовала мировая сила неизбежности. «Важнейшее дело этой силы — интеграция всего в пределы сферического купола, в котором воплощается... серьезность и решительность закона. Шар представлял собой удерживаемо-удерживающее тело порядка, купол силы», он же — символ божественного кругозора и властвующей неизбежности. Чтобы силой границы удерживать в неподвижности величайшее, сильнейшее должно быть действительно сильным, отчего шар и следует рассматривать не столько как геометрическую фигуру мысли, сколько как

¹² Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М, 2002. С. 56.

¹³ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 26.

¹⁴ Цит. по: Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 313–314.

¹⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. Ч. II. С. 497.

¹⁶ Сен-Симон. Мемуары. М. 1991. Кн. 1. С. 30.

¹⁷ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 132.

энергетическое, если не имперское проявление власти» (Петер Слотердаjk)¹⁸.

Суверенитет как «ощущение границы»

Боссюэ, этот верный апологет Людовика XIV, в свое время выдвинул четыре главных тезиса, очерчивающих пределы королевского суверенитета: король ни перед кем не отчитывается за свои действия; принятое им решение отменяет все остальные; ни одна власть не может ему препятствовать; сам он, однако, не исключен из сферы действия права. (В 1766 году Людовика XIV объявил себя единственным источником власти и права и его слова: «Государство — это я» прежде всего были указанием на необходимость для всех властей и статусов ориентироваться исключительно на его персону). Законодательная прерогатива монарха заключалась в неограниченном праве вносить законы на рассмотрение, право же их утверждения принадлежало парламенту, однако категорического и формального разделения властей (в том виде, как представлял это себе Монтескье) никогда не было в реально существовавшей системе абсолютизма. Способность же суверена присутствовать повсеместно, одновременно оставаться в политическом центре и появляться на его периферии (и здесь явно и плодотворно функционировало «другое тело короля») была обусловлена его полным (или кажущимся таковым) господством в обозримом пространстве власти: посредством механизмов представительства и бюрократии, суверенитет выступает здесь односторонне как коллективная и персональная субъективность.

Единоличного властителя поддерживали в его господствующем положении зависть, противоречия и напряжения, существовавшие в окружающем его и созданном его функцией, социальном поле: рессентимент, который его окружал, нуждался лишь в эпизодическом вмешательстве суверена в эту ситуацию, для того чтобы ее регулировать и создавать структуры, которые ее поддержат, балансируя на противоречиях и различиях. Такими механизмами среди прочих являлись двор как центр влияния на политическую периферию и этикет

как эстетический инструмент господства. Кроме всего прочего, подобное устройство общественной механики позволяло обладателю власти достигать сравнительно значительных результатов при небольшом приложении собственных сил¹⁹. Король и его чиновники возвышались среди окружающего их и придуманного «сакрального» мира, словно великолепный фасад, под прикрытием которого сталкивались самые разные интересы, одни непризнаваемые, другие — непризнанные: перед этим фасадом вполне можно было ощутить чудесный блеск мгновения, но этот блеск как раз и мешал увидеть всю грязную реальность порядка вещей.

Психополитический контекст суверенной власти составляли, с одной стороны, амбиции сословий, претендующих на участие во власти, с другой, безликий нейтралитет служилой бюрократии, анонимной и молчаливой. Макс Вебер заметил: «Пока буржуазия добивалась определенности в администрации юстиции, бюрократия была заинтересована в подчинении законам». Пропитанные римскими доктринами королевской декретной власти юристы-бюрократы были активными проводниками королевского централизма. Этот корпус легистов более чем какая-либо другая сила романизировал юридические системы Европы еще в эпоху Ренессанса. «Трансформация закона с неизбежностью отражала распределение власти... Абсолютизм, как реорганизованный аппарат господства аристократии, был центральным архитектором восприятия римского права в Европе»²⁰. Настоящая же бюрократия зарождается только при абсолютизме... Сам суверен создает ее и тем самым отрывается от связывающих его власть сословных пут и напряжений. Имманентный формализм права, его обезличенность, привнесенная римским правом, облегчали ему решение этой задачи: помимо иерархии заповедью бюрократической государственности становится формальная законность, что вполне устраивало суверена.

Обычно царское величие не сияло в одиночестве. Ему необходимо было признание. При этом царское величие вы-

¹⁸ Слотердаjk П. Сферы. Т. II. Глобусы. СПб., 2007. С. 31.

¹⁹ Элиас Н. Указ. соч. С. 163.

²⁰ Holdsworth W.A History of English Law. Vol. IV. London, 1924. P. 284–285.

глядело как авторитарная «расстановка по местам» — этот порядок полностью и картинно воплощался в архитектонике «двора»: в иерархической пирамиде статусные или социальные положения поддерживали «верховное властное достоинство, превосходящее их всех и единственно обладающее бытийственной полнотой».

Должность же с необходимостью принаждала. Суверенность, от которой пассивное большинство отказывалось в пользу одного человека, как раз и делало его такой «политической должностью»: король и чиновники образовывали единое целое, король же излучал свое величие, без которого чиновники не имели бы власти, присущей их должности». И сами чиновники от своей эффективной деятельности также получали часть суверенности: «Суверенное достоинство власти вязло в должностных обязанностях... которые придают блеск тем, кто их выполняет»²¹. (Поэтому нельзя считать вполне искренним заявление Фридриха Великого о том, что он не более, чем «первый слуга своей нации»).

Рядом с пространством прямой власти всегда существует некое «предпространство косвенных влияний и сил («доступ к уху», «коридор, ведущий к душе властителя»), не бывает человеческой власти без такого предпространства и такого «коридора». Самый мудрый институт, самая хорошо продуманная организация не могут полностью искоренить это предпространство», эту «камарилью» или «переднюю»²². Рядом с абсолютным монархом всегда и везде существовали некая группа или орган информаторов и советников, оказывающих влияние на принятие сувереном политических решений.

Потребности дворянства в престиже и статусной социальной дистанции позволяли королю сделать это сословие неотъемлемой частью придворных связей и ритуалов: «Если бы королю противостояло государство как социальная структура, имеющая самостоятельный смысл и характер, то для него оказалось бы возможным отделить и в собственной своей жизни деятельность, обращенную на государство, от той, которая относилась только к нему самому».

Но государство в то время не имело для суверена самостоятельного смысла и самоценности: все вокруг было ориентировано на восприятие королевской жизни исключительно как подлинной и главной ценности, все должно было служить возвышению короля, — различий между публичным и частным в жизни суверена все еще не существовало²³.

Величие становится психополитическим стилем: происходит скачок от власти к великолепию, от голого превосходства в силе к пышной славе суверена. Посредством этого фактора и князя намечали контуры своей символической власти: король же, с одной стороны, оставался героической силой, а, с другой, — «королем милостью Божьей»; снизу его власть была завоевана триумфами, а сверху освещалась космической легитимацией²⁴.

Но героическая личность суверена неизбежно затмевалась анонимностью системы управления, составленной из безликих чиновников. Личные качества суверена сливались с политическим рельефом государственности, которую он олицетворял, а принятие решений требовало объективности, знания ситуации, поэтому индивидуальной политической воли становилось явно недостаточно, требовалось еще и участие целого этоса: харизма должна была уступить место аморальной механике властвования, агрессивный статусный суверенитет сужал сферу волюнтарной суверенности.

Макиавелиева *virtu* все еще представляла собой индивидуальную способность государственного деятеля, способность сразу разобраться в сложной ситуации и схватить ее суть, чтобы понять, в каком направлении следует действовать. Она предлагала рассматривать моральный мотив только как одно из нескольких практических соображений, лежащих в основании политического действия. Она «скорее внеморальна, чем аморальна», в своем требовании к политике сочетать знание и действие»²⁵. (Фридрих Мейнеке наглядно показал связь, существующую между *virtu* и государственным интересом: оба факто-

²¹ Батай Ж. Указ. соч. С. 351–352.

²² Шмитт К. Разговор о власти и о доступе к власти-телю // Социологическое обозрение. 2007. № 2. Т. 6. С. 31.

²³ См.: Элиас Н. Указ. соч. С. 171.

²⁴ Слотердаик П. Критика цинического разума. Екатеринбург, 2001. С. 259.

²⁵ Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 30.

ра признают вездесущее непреднамеренные последствия всякого человеческого действия, но в отличие от харизматического лидера, о котором говорил Макс Вебер, монарх оказывается способным создать такой механизм, который в значительной мере уменьшает его личный риск и необходимость его неординарного личностного участия).

Замкнутость политического пространства для суверена уже в самой себе таила серьезную опасность. Суверенитет как стиль мог существовать только в пределах своей конкретной исторической эпохи. Претензия же сочетать свободу и господство в одном и том же субъекте со временем становилась все более несостоятельной и иллюзорной: исключительность постоянно угрожала изоляцией, а суверенность могла легко превратиться во вседозволенность. Неявные влияния проникали в суверенную сферу, используя разные каналы и силы. Суверенитет еще достаточно долго сопротивлялся этим атакам, демонстрируя свой традиционный консерватизм: не случайно родоначальник теории суверенитета так много внимания уделял изучению демонологии...

Литература

1. Анкерсмит Ф. Эстетическая политика / Ф. Анкерсмит. М., 2014. С. 76–77.
2. Батай Ж. Суверенность / Ж. Батай // Проклятая часть. М., 2000. С. 390, 397, 341.
3. Беджот В. Государственный строй Англии / В. Беджот. М., 1905. С. 332.
4. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы / В. Беньямин. М., 2002. С. 56.
5. Боден Ж. Метод легкого изучения истории / Ж. Боден. М., 2000. С. 192–193.
6. Гильманов В.Х. Симон Дах и тайна барокко / В.Х. Гильманов. Калининград, 2007. С. 34–35.
7. Сен-Симон Мемуары / Сен-Симон. М., 1991. Кн. 1. С. 30.
8. Слотердаик П. Критика цинического разума / П. Слотердаик. Екатеринбург, 2001. С. 259.
9. Слотердаик П. Сферы: макросферология. Т. II: Глобусы / П. Слотердаик; пер. с нем. К.В. Лощевского. СПб.: Наука, 2007. С. 31.
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с франц. В.П. Олейника, Е.П. Орловой, И.А. Малаховой, И.Э. Иванян, Б.Н. Ворожцова; предисл. Гарольда Дж. Ласки; комм. В.Т. Олейника. Ч. II. М.: Прогресс, 1992. С. 497.
11. Хеншелл Н. Миф абсолютизма / Н. Хеншелл. СПб., 2003. С. 191.
12. Шмитт К. Разговор о власти и о доступе к властителю / К. Шмитт // Социологическое обозрение. 2007. № 2. Т. 6. С. 31.
13. Элиас Н. Придворное общество / Н. Элиас. М., 2002. С. 147.
14. Юнгер Э. Рискующее сердце / Э. Юнгер. СПб., 2010. С. 249.

Цивилизационный подход к изучению государства: концептуальные основы, критерии

*Лановой Вадим Геннадьевич,
старший дознаватель отдела дознания
отдела Министерства внутренних дел России
по Труновскому району Ставропольского края,
адъюнкт Белгородского юридического института
Министерства внутренних дел России
vadim.lanovoy@mail.ru*

Статья посвящена развитию понятия «цивилизация», цивилизационного подхода к типологии государства от античности до современного этапа развития юридической науки. В тексте также раскрывается содержание формационной и цивилизационной концепции государства, государственности, их соотношение в современной науке. Исследуется сущность идеалистической и материалистической мировоззренческой позиции к изучению государственного феномена, происходящих в нем социально-правовых процессов. Рассматриваются концептуальные подходы к предмету исследования, критерии классификации и типологии, гносеологические аспекты истинности, роль правосознания, духовно-культурных, образовательных, идеологических факторов, личности человека в государственно-правовых процессах на различных стадиях исторического развития общества. Исследование феномена государства рассматривается с различных онтологических оснований, в кон-

тексте сложного механизма эволюционного саморазвития мироздания, природы, общества, детерминирующие его факторов.

Ключевые слова: цивилизация; формация; государство; типология; анализ; обобщение; систематизация, тип государства.

Cultural Approach to State Study: Conceptual Basis, Criteria

Lanovoy Vadim G.,

Senior Investigating Officer of Investigation Department
of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
for Trunovsky District of the Stavropol Territory
Adjunct, Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The Article is devoted to the development of the concept of civilization, civilizational approach to the typology of the state from antiquity to the present stage of development of legal science. The article reveals the content of the formational and civilizational concepts of the state and statehood, their ratio in modern science. Explores the essence of the idealist and materialist philosophical positions to study the state of a phenomenon occurring in the socio-legal processes. Examines conceptual approaches to the subject of research, criteria of classification and typology, epistemological aspects of truth, the role of justice, spiritual-cultural, educational, ideological factors of human personality in the state legal processes at different stages of historical development of society. The study of the phenomenon of the state is studied from different ontological foundations, in the context of a complex mechanism of evolutionary self-development of the universe, nature, society, determining its factors.

Key words: civilization; formation; state; typology; analysis; generalization; classification, type of state.

В отличие остальных наук общественного цикла, занимающихся исследованием феномена государства, предмет теории государства и права имеет свою специфику. В самом общем понимании в юридической науке государство как развивающийся социальный институт рассматривается в контексте функционирования власти, ее влияния на общественные процессы. Полнота исследования взаимоотношения власти носит диалектический, эволюционный, философский характер. Правовой взгляд на государство многогранен и зависит от отраслевого направления исследования различных дисциплин. Изучение феномена государства в политико-правовом аспекте не может емко и полно выявить закономерности его исторического развития во взаимосвязи с обществом, исследовать сущность данного социального явления, его влияние на человека. Из поля зрения выпадают культурно-исторические, социально-экономические особенности общества, географическое расположение, территориальная целостность. Безусловно, социальное объединение в виде государственного института объективно предопределено, но его появление, форма организации, функционирование в большей степени зависит от уровня духовно-нравственного развития общества в самом

широком понимании. Генезис общественных процессов диалектически многообразен. В онтологической схеме человек — общество — государство — объективные социальные процессы нуждаются в управленческом воздействии, в большей части осуществляемого путем правового регулирования. Динамическая система государство — общество образует единое целое, которое абстрактно можно представить в виде организма «особого порядка, не биологического, а социального»¹.

Следует заметить, что когнитивный подход к государственно-правовой сфере, определяющий проблематику исследования, во многом зависит от мировоззренческой позиции автора, то есть от материалистического или идеалистического обоснования бытия, что является сложноструктурированной научной проблемой, от разрешения которой зависит оценка нового знания. Ведь, по сути, истинным признается полученное через призму субъективных мировоззренческих научных установок знание о вещи, соответствующее ее внутреннему и внешнему содержанию. Основу процесса познания составляют законы диалектики, сформулированные

¹ Хвостов В.М. Общая теория права. СПб., М., Варшава, Вильно, 1914. С. 19–26.

в объективной идеалистической философии Гегеля, позже в философии Маркса переосмысленные с позиций материализма. В самом общем виде они хотя и различаются по онтологическим основаниям, но в целом описывают сложный механизм эволюционного саморазвития мироздания, природы, общества, государства, детерминирующие его факторы, их побудительную силу. В этой взаимосвязанной системе научная деятельность человека осуществляется непосредственно «здесь и сейчас», в философском единстве души и тела, материи и сознания. Процесс познания сложен и многогранен, зависящий от уровня духовно-культурного, образовательного, идеологического содержания личности. Попытку соединить историко-материалистическое и социокультурное понимание сущности государства предпринимал Г. Еллинек еще в начале XX века, говоря о многообразии духовно-нравственных, политических, правовых и экономических аспектов общества, выделяя идеальный тип государства как эталон развития государственности², подразумевая под ней системообразующую политико-правовую категорию, которая отражает «качественное состояние государства и общества, взятое в их единстве, характеризующееся исторической преемственностью и постоянством базовых институтов (или констант, институциональных матриц, традиций, сверхценностей), связанных с национальной самобытностью и обеспечивающих ее воспроизводство в различные исторические периоды»³. Ведь действующие политико-правовые нормы фактически с любой концептуальной точки зрения являются способом закрепления в общественном сознании объективно обусловленных закономерностей развития исторических процессов, которые посредством формализации законодательства предопределяют поведение граждан, функционирование всех социально-политических институтов, одновременно отображая и обеспечивая естественную эволюцию общества и государства.

² Еллинек Г. Право современного государства. Т. 1: Общее учение о государстве / под ред. С.И. Гессена; изд. 2-е, исп. и доп. СПб., 1908. С. 26.

³ Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблемы терминологического соотношения и определения // История государства и права. 2014. № 22. С. 47.

Достаточно продолжительный период времени ведущей методологией в изучении государственно-правовых феноменов являлась материалистическая формационная теория К. Маркса и Ф. Энгельса. В ее основу положена идея прогрессивного развития общества и линейная схема моделирования всемирной истории⁴. На первый взгляд, формационный подход к типологии государства выглядит достаточно полным для правового исследования, так как такой «вертикальный» срез части глобальных исторических событий в большей мере воспринимается как четко разграниченное последовательное развитие. С данной точки зрения все государства априори базируются на идентичных экономических и общественных структурах, которые обладают общими и частными признаками. Производственные отношения в обществе образуют базис, над которым находится политико-правовая надстройка с соответствующей только ей социальной формой сознания. Материально-экономический фактор в целом обуславливает все процессы жизнедеятельности общества. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁵. Безусловно, методология марксизма обладает систематизированностью, так как термин «экономическая общественная формация» употребляется не только для обозначения отдельного исторического периода общества и государства, но и для описания ряда их состояний, обладающих идентичными признаками. Эти критерии стали основой периодизации исторического развития обществ в виде пяти типов производственных отношений: первобытнообщинные, рабовладельческие, феодальные, капиталистические, коммунистические⁶. Сегодня в научных исследованиях государственно-правовой материи термин «формация» очень сложно применить по отношению к современным эмпирическим сообществам по отдельности или к геополитическому сообществу в це-

⁴ Ханкевич О.И. Древнее общество и государство: вопросы типологии и периодизации. Право и демократия. Вып. 14. БГУ. Минск, 2003. С. 137.

⁵ Маркс К. Фридрих Э. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1954. Т. 13. С. 7–8.

⁶ Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (Опыт системно-структурного анализа). М., 1988. С. 68–72.

лом. Хотя формация и имеет вид абстрактно-логического, идеализированного объекта исследования, но это в большей части экономическая реальность организации жизни общества в терминологии марксизма-ленинизма.

С конца XX века в отечественной науке формационный подход стал подвергаться критике, так как положения исторического материализма на протяжении столетия не выдержали опытной проверки и отчасти приобрели форму формационного редуционизма. В изучении социальных явлений все богатство и многообразие жизни людей сводилось к способу производства, базису и надстройке, классовый борьба⁷. Реальные тенденции и формы развития государства не укладываются в пятилетнюю периодизацию истории. Продемонстрировать универсальную зависимость духовной жизни и культуры по линии «базис — надстройка» не представляется возможным. Социально-экономический фактор не может быть основным детерминантом развития исторических процессов, ведь одной из важных закономерностей развития общества является его многоукладность. В формационной теории частично просматривается провиденциализм. Общественный прогресс представляется однолинейным процессом телеологического характера, имеющий строгую predetermined эсхатологическую последовательность развития. В действительности социальные процессы не обладают самодостаточностью, это взаимосвязанные между собой шаги прогрессивной или регрессивной эволюции общества. При формационном подходе фактически не исследуются ценности, социальные нормы поведения, индивидуальное и коллективное сознание, религиозные аспекты мировоззрения, закладываемые в сознание людей их культурой. По мнению М.А. Барга, при формационном подходе происходит обеднение социальной структуры общества, и вся ее многоплановость подтягивается к классам-антагонистам; при анализе духовной культуры формационный подход ориентирует на сведение всего ее богатства к отражению интересов основных антагонистических

классов, игнорируя формируемые на протяжении истории общечеловеческие идеи и представления, нравственные ценности⁸. Формационная теория не учитывает концептуализацию характерных социальных отношений: роль власти в жизни общества, роль личности ею обладающей. С позиции гносеологии догматической постулат о примате базиса над надстройкой не отвечает критерию однородности. В античном обществе труд ремесленников и крестьян, а не рабов составлял производственный базис. Следовательно, уместно сказать об искусственной субъективной пролиферации понятий «античная формация» и «рабовладельческий способ производства».

Наряду с формационным подходом в изучении государства, взаимоотношений общества и власти, социально-экономического строя, культурной, политико-правовой сферы применяется цивилизационный подход. В его основе лежит идея соотношения государства, права, экономического строя при учете духовных, нравственных, культурных составляющих развития общества. Критерием периодизации исторических процессов, типологии государств выступает «цивилизация», заменяя категорию «общественно-экономическая формация». Зачастую принято считать, что явление цивилизации не поддается строгому научному определению, описанию, пониманию. В отечественном обществознании цивилизация в большей части представляется как некий интуитивный образ, а не логически выверенная категория⁹.

Действительно, понимание цивилизации многогранно. Само понятие «цивилизация» появилось в XVIII веке в эпоху Просвещения в тесной связи с понятием «культура». Французские философы-просветители цивилизацией называли общество, основанное на началах разума и справедливости¹⁰, развитие которого связывалось совершенствованием нравов, законов, искусства, науки, философии¹¹.

⁷ Формации или цивилизации (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34.

⁸ Барг М.А. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. № 3. С. 5–13.

⁹ Общая теория государства и права. Академический курс: в 2-х т. М., 1998. Т. 1. С. 119.

¹⁰ Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.Н. Ковалева, В.Г. Пан. М., 1983. С. 766.

¹¹ Энциклопедический словарь по культурологии / под ред. А.А. Радугина. М., 1997. С. 431.

С позиции исторического материализма под цивилизацией понимался уровень общественного развития материальной и духовной культуры, достигнутый той или иной общественной формацией¹², синоним культуры¹³. Европейская и американская позитивистская социологическая наука под цивилизацией подразумевает культурные формы (центральное правительство, искусство и наука, озабоченность моралью манерами) в городах и обществах, в которых они существуют; отдельное общество или область культуры, обладающая вышеуказанными характеристиками¹⁴. В то же время С. Хантингтон считает цивилизацию наивысшим сообществом, уровнем культурной идентификации людей, основанном на положительном наследии античности и христианстве, на верховенстве закона, индивидуализме личности, экономических достижениях¹⁵. Проанализировав изложенное, можно сделать вывод, что цивилизация — это сложноорганизованная целостная динамически развивающаяся общественная система, представляющая собой исторически изменчивую совокупность социокультурных, географических, экономических, исторических, политических, правовых и других особенностей народа, нации, страны.

Отличие от формационной концепции, в которую положены идеи классического эволюционизма, представители цивилизационной парадигмы считают, что общество развивается циклично. С этой точки зрения жизнь цивилизации и относящегося к ней государства представляет собой сменяющиеся, возвращающиеся, в некоторой степени повторяющиеся ступени культурно-исторического развития общества от его рождения до смерти.

Циклическое учение берет свое начало в философии Платона, который писал, что «...урожаи и неурожаи бывают не толь-

ко на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, — на души и на тела, всякий раз, как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла...»¹⁶. В дальнейшем Полибий, основываясь на естественности закона, продолжил учение своего предшественника, создав концепцию «круговорота государственного общежития»¹⁷. В наибольшей степени идеи циклизма получили свое развитие в теории Дж. Вико¹⁸. Позже И.Г. Гердер напишет об уникальности локальных культур, их влиянии на развитие истории¹⁹. Во второй половине XIX века русский ученый Данилевский Н.Я. формулирует общую теорию цивилизаций, согласно которой историческое развитие общества представляет собой индивидуальное, замкнутое, циклическое развитие отдельных культур. Данная теория получила свое развитие в западноевропейской науке в трудах А. Тойнби, О. Шпенглера, согласно которым единая история человечества представляет собой единство сосуществования во времени и пространстве множества развивающихся взаимодействующих и взаимосвязанных между собой самобытных, индивидуальных цивилизаций, которые, в свою очередь, придают существующим в их рамках государствам устойчивую общность. Цикличность, по мнению А. Тойнби, это механизм рождения, развития и смерти цивилизации опирающийся на идею «вызов — ответ», когда природное и социальное окружение бросают вызов творческому меньшинству, которое в поиске ответа генерирует толчок общественного развития, технического прогресса. Как только «ответ» найден, появляется новый «вызов», и так от рождения до смерти цивилизации²⁰.

Историческая и правовая наука советского периода не рассматривала цивилизационный подход в качестве научного ме-

¹² Малая Советская Энциклопедия / под ред. Б.А. Введенского. ГИИ «Советская энциклопедия». М., 1960. Изд. 3-е. Т. 10. С. 255.

¹³ Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1983. С. 1467.

¹⁴ Джерри Д., Джерри Д. Большой толковый социологический словарь. Harper Collins Publishers, 1995 / Н.Н. Марчук. М.: Изд-во «Вече», 2001. Т. 2. С. 437.

¹⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–49.

¹⁶ Платон. Государство // Избранное. М., 2006. С. 33. URL: www.knijk.ru (дата обращения: 08.05.2016).

¹⁷ Ханкевич О.И. Древнее общество и государство: вопросы типологии и периодизации. Право и демократия. Вып. 14. БГУ. Минск, 2003. С. 9–10.

¹⁸ Вико Дж. Основание науки об общей природе наций / пер. с итальянс. А.А. Губера. Москва — Киев, 1994. С. 234, 248, 258–259, 264, 271–273.

¹⁹ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 230–231, 427.

²⁰ Тойнби А. Постигание истории. М.: Изд-во «Прогресс», 1996. С. 178–208.

тогда построения типологии. К середине XX века накопленный историко-правовой материал выявил некоторую неадекватность пятиступенчатой структуры формационного деления исторического процесса. В большей части это стало заметно при изучении развития государственно-правовых форм стран Востока. Изначально считалось, что концепция «азиатского способа производства» в варианте К. Маркса учитывала специфические культурно-исторические характеристики обществ азиатского региона. В ходе научных дискуссий было установлено, что невозможно провести полную типологизацию стран Востока без пересмотра формационных положений и учета цивилизационных особенностей²¹.

На протяжении двух с половиной веков цивилизационный подход в изучении государства в исторических и правовых науках развивается очень медленно. Генезис понимания сущностных характеристик цивилизации берет начало от исторически-оптимистичной и эволюционно-прогрессивной идеи развития общества, проходит стадию социологизации теорий цивилизации до представления исторических процессов в виде относительно замкнутых локальных социокультурных систем. Рациональный подход к описанию исторических процессов заменяется иррациональным. Мировая цивилизация понимается как «качественная характеристика» взаимодействия различных культур, этносов, государств. Прогрессивное развитие общества лишилось идеального образца. Исторический монизм сменился историческим плюрализмом.

При цивилизационном подходе тип государства и права, в отличие от формационного, определяется не социально-экономическими, а объективными идеальными духовными, культурными факторами. В настоящее время при исследовании основное внимание уделяется систематизации, анализу и обобщению информации о тех или иных обществах, национальностях, этносах, и в меньшей степени исследованию сущности политико-правовых систем, которые, безусловно, являются неотъемлемой частью культуры. Однако зачастую

²¹ Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (Опыт системно-структурного анализа). С. 110–125; Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. М., 1977. С. 13–23, 23–34, 115–134.

в современных научных публикациях по данному вопросу происходит подмена понятий, выдаваемых за цивилизационные аспекты исследования: рабовладельческое общество становится античным, феодальное — средневековым, буржуазное — современным, индустриальным, постиндустриальным²².

С точки зрения цивилизационного подхода к изучению государства видно, что в основании фактически всех современных государств лежат культурно-религиозные традиции предшествующих обществ, которые на протяжении истории человечества циклично развивались в культурном времени и социальном пространстве. Рассвет цивилизации не объясняется только одним техническим прогрессом, уровнем производства и потребления материальных благ. В рамках конкретного культурно-исторического типа именно общество является государственно образующим началом (включая правовые и другие социальные институты). И продолжительность его жизни будет зависеть от степени развития науки, морали и права, культурных, духовно-религиозных взглядов, своего рода нравственного прозрения и действия в соответствии с этим прозрением. Прогресс правовых, экономических, культурных, религиозных, политических институтов качественно характеризует эволюционирование социальных отношений, что является формой реализации «цивилизации» как исторически объективно обусловленного общественного феномена. С позиции цивилизационной теории общества различают по различным критериям:

— культурно-религиозному: западный, индуистский, исламский, синский, японский, латиноамериканский, православный, африканский тип государства²³;

— по критерию экономического роста различают: традиционное, переходное общество; общество, переживающее процесс сдвига; созревающее общество; общество, достигшее высокого уровня потребления²⁴;

²² Чистяков О.И. Введение в историко-правовые науки // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1996. № 4. С. 6.

²³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 33–49.

²⁴ Павлова И.П. Владимирский Е.А., Оводенко А.А., Ильинская Е.М. История экономических уче-

— на основе уровня развития производственных технологий и политико-правовой модернизации государства подразделяются: на общества аграрного производства; индустриальные национальные государства; постиндустриальные — эталоны демократического правового государства, развивающиеся в процессе ускоренных глобальных интеграционных процессов при формировании наднациональных политических структур²⁵. Кроме того, различают первичные, вторичные, сельскохозяйственные и промышленные цивилизации, где критериями типологии выступает характер организации и взаимодействия органов государственной власти, социально-экономических, политико-правовых и религиозных институтов, особенности культурных взаимоотношений государства, общества и природы²⁶.

В целом для построения цивилизационной типологии характерно применение социальной теории «органицизма», отождествление общества с живым организмом, развивающимся поэтапно: рождение, юность, молодость и зрелость, старость и смерть. Каждая общность развивается как прогрессивно, так и, наоборот, в порядке регресса. К преимуществам данной концепции следует отнести всестороннее отношение к существующим особенностям географического, этнического и хронологического развития конкретных обществ с учетом специфики способа производства, социально-культурных, религиозных факторов, то есть историческое развитие государства, общества с учетом роли индивидуальности личности рассматривается через призму всего многообразия социальных отношений. Изучение государства и права с позиции теории цивилизаций позволяет выделить критерии взаимодействия власти и общества, морали и права, религии и культуры, понять особенности этнических групп, государственно-правовых и иных социальных институтов конкрет-

ной общности, определить направление и тенденции их культурного, экономического, политического развития. В контексте понимания культуры как явления, ценностям как объективно-идеальным ее характеристикам цивилизационный подход позволяет раскрыть сущность самой государственной власти и ее социальное предназначение.

На современном этапе цивилизационная концепция переживает кризис, который проявляется, прежде всего, в теоретическом обосновании ее основных категорий, так как ее познавательная область зависит от трансформации научных парадигм, технологических революций, модернизации общества в условиях глобализации. В гносеологическом аспекте проблема истинности суждений с точки зрения цивилизационного подхода обозначается теоремой о неполноте К. Геделя, согласно которой в основе истинности и непротиворечивости гипотезы, теории функционирования сложной системы, которой, безусловно, является общество, лежат базовые постулаты изначально принятой концептуальной научной позиции²⁷. Кроме того, необходимо учесть, что структура цивилизации характеризуется многоуровневостью и разнородностью, между биологическим и культурным началом общества имеется мировоззренческая эпистемологическая граница. Сегодня обществознание не имеет четких критериев цивилизаций. Их выделение, как уже отмечалось, проводится авторами по множеству различных оснований. Следовательно, для современной исторической и юридической науки необходимо не только предложить, но и методологически обосновать критерии цивилизационного подхода к изучению государственно-правовых феноменов, который сегодня всего лишь конкретизирует и дополняет формационную концепцию²⁸. Одним из таких критериев может стать понятие «государственность», которое включает в себя все существовавшие и существующие исторически развивающиеся, трансфор-

ний // Теория стадий экономического роста У. Ростоу. Изд. 3-е. СПб., 2000. С. 98.

²⁵ Масловский М.В. Социология политики: классические и современные теории. М., 2004. С. 61–68; Иванова Т.В. Социология. Сумы, 2013. С. 72–73.

²⁶ Венгерова А.В. Теория государства и права. 2-е изд. М., 2011. С. 56–58. Вехорев Ю.А. Типология государств. Цивилизационные типы. Вестник Нижегородского университета. 1999. № 3. С. 34–37.

²⁷ Беклимешев Л.Д. Теорема Геделя о неполноте и границы их применимости. Успехи математических наук. М., 2010. Т. 5 (395). С. 69–70, 72–75, 83–88.

²⁸ Шемякин А.Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80-х годов // История СССР. 1991. № 5. С. 103.

мирующиеся государственно-правовые явления. Государственность, одновременно являясь особой формой организации стратифицированного общества, качественно характеризует динамику социальных процессов. За время своего исторического существования государство как институт постоянно видоизменяется: модифицируются его содержание, форма, характер механизма правового регулирования, трансформируются идеология, правосознание, нравственно-этические установки, социально-психологические стереотипы поведения, религиозные предпочтения самого общества, но государственность как таковая сохраняется. Так как в ее основе лежат явления «ментальности и национальной самобытности»²⁹, преемственности, непрерывности и постоянства которых обеспечивают «воспроизводство государственности в различных исторических типах обществ»³⁰.

Думается, что с данной точки зрения правильной говорить о построении научной типологии государственности, под которой следует понимать системный анализ и обобщение всего фактического материала о политико-правовых, социальных, экономических явлениях в обществе, оценку деятельности и особенностей функционирования органов власти. Следовательно, к изучению государственно-правового феномена необходимо подойти комплексно, как с позиции цивилизационного, так и формационного подходов. Ведь человеческое общество в процессе своего исторического существования производит, потребляет и впитывает в себя все духовно-культурные, материальные достижения, представляя собой не один единственный культурно-исторический тип, а некую глобальную историческую реальность. При достижении каким-нибудь государством определенного уровня развития, его общество одновременно приобретает новые качества и свойства существующей цивилизации. В культурологическом контексте под типом цивилизации понимается методологическое понятие, используемое для наиболее крупного членения исторического разви-

тия общества, позволяющее обозначить специфические особенности, характерные для многих обществ, критериями которой являются: общие фундаментальные черты духовной жизни, взаимопереплетение культур, взаимозависимость историко-политической судьбы и экономического развития³¹. Категория «цивилизация» отражает эволюционную часть исторического пути общества и государства, среди качественных характеристик которого можно выделить преемственность из поколения в поколение в науке, культуре, передаче жизненного опыта, технических, производственно-материальных и иных достижений. В свою очередь, «формация» отражает динамичное, революционное развитие, возникающее в определенных исторических условиях. Понятие «цивилизация» обладает большим наличием сущностных признаков, позволяющих охарактеризовать то или иное общество, государство, этнос. Формационная типология наделяет цивилизацию социально-политическими, экономическими характеристиками в конкретную эпоху. Цивилизация относится к формации, как целое к части. Общество — это социально-биологический организм, частью которого являются производительные силы. Именно поэтому понятие формационной теории «производительные силы» необходимо наделять личностным содержанием, ведь человек непосредственно и является их главным элементом. Именно индивид с присущим только ему уровнем высокой культуры, правосознания, социальным стереотипом поведения, основу которых составляют идеи справедливости и человеческого достоинства, является движущей силой общества. Вышеперечисленные характеристики являются основными критериями цивилизационно-личностного подхода к типологии государства и права, учитывающего объективные и субъективные составляющие. Независимо от вариантов эволюции государства и права, их назначения, социальной стратификации, уровня экономического развития все имеющее место и действующие объективные исторические процессы в большей их части опосредуются личностью. Хотя феномен государства полностью не подвластен

²⁹ Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблемы терминологического соотношения и определения. С. 46.

³⁰ Там же.

³¹ Энциклопедический словарь по культурологии. С. 429.

личности, он все же эволюционирует посредством совокупного жизненного опыта всего общества. Исторический процесс только с виду кажется стихийный, но в нем все-таки на протяжении существования человеческой цивилизации просматривается некая упорядоченность и управляемость. В этом смысле история персоналистична, так как она развивается и обогащается через человека, имеет человеческий лик³².

Прогресс человечества — это прорыв к новым горизонтам развития отдельных народов или государств, прежде всего, в форме духовно-культурного, а затем экономического и политического взаимодействия всего общества. В этом ракурсе остро стоит вопрос модернизации формационной теории в аспекте единства исторического процесса, но с учетом раскрытия логики развития различных по своему внутреннему содержанию социальных систем. Л.С. Васильев, например, считая исторический материализм устаревшей, псевдонаучной дисциплиной прошлого века, предлагает новую методологию исследования, основанную на религиозном развитии, с учетом материальных предпосылок функционирования общества, позволяющую более полно охарактеризовать экономический и культурный комплекс этнической общности³³. С такой научной точки зрения существование глобальной человеческой цивилизации представляется в виде постоянного развития уникальных культурно-религиозных традиций, пронизывающих все сферы жизнедеятельности общества. Думается, что формационный подход важен для развития цивилизационной теории. Исторический материализм при всех его недостатках является все же одной из первых попыток построения рациональной метатеории исторического процесса, научной картины мира³⁴. На современном этапе развития юридической и исторической науки под общественной экономической формацией следует понимать как прогрессивный, так и регрессивный ре-

зультат исторического саморазвития существовавших и существующих обществ в конкретную эпоху. С данной точки зрения формация представляет собой некую стадию экономического и социально-политического развития человеческой цивилизации.

В настоящее время в условиях мировой глобализации для глубокого и всестороннего понимания государственно-правовых, социальных процессов необходимо уйти от ограниченного круга проверенных и оправдавших себя теорий, методологий, а идти дальше, открывая и закрепляя новые критерии и подходы в типологии государства, государственности, раскрывать их сущность, значимость, проблемы. Ведь государство в идеальном понимании, прежде всего, продуманная, исторически и юридически обоснованная модель организации справедливой жизни общества.

Литература

1. Барг М.А. Цивилизационный подход к истории / М.А. Барг // Коммунист. 1991. № 3.
2. Беклимешев Л.Д. Теорема Геделя о неполноте и границы их применимости. Успехи математических наук / Л.Д. Беклимешев. М., 2010. Т. 5 (395).
3. Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической конструкции) / Л.С. Васильев // Философия и общество. 1997. № 1.
4. Васильев Л.С. История Востока: в 2-х т. / Л.С. Васильев. М., 1994. Т. 1.
5. Венгеров А.В. Теория государства и права / А.В. Венгеров. 2-е изд. М., 2011.
6. Вехорев Ю.А. Типология государств. Цивилизационные типы / Ю.А. Вехорев // Вестник Нижегородского университета. 1999. № 3.
7. Вико Дж. Основание науки об общей природе наций / Дж. Вико; пер с итальянс. А.А. Губера. Москва — Киев, 1994.
8. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. М., 1977.
9. Джерри Д., Джерри Д. Большой толковый социологический словарь. Harpe Collins Publishers, 1995 / Д. Джерри, Д. Джерри; Н.Н. Марчук. М.: Изд-во «Вече», 2001. Т. 2.
10. Елинек Г. Право современного государства. Т. 1: Общее учение о государстве / Г. Елинек; под ред. С.И. Гессена. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1908.
11. Иванова Т.В. Социология / Т.В. Иванова. Сумы, 2013.
12. Илюшечкин В.П. Сословно-классовое общество в истории Китая (Опыт системно-структурного анализа) / В.П. Илюшечкин. М., 1988.
13. Ленин В.И. О государстве / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М., 1967. Т. 39.

³² Тойнби А. Постигание истории. С. 79, 532.

³³ Васильев Л.С. Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической конструкции) // Философия и общество. 1997. № 1. С. 27–28; Васильев Л.С. История Востока: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. С. 113.

³⁴ Панарин А.С. Философия истории. М., 1999. С. 198.

14. Малая Советская Энциклопедия / под ред. Б.А. Введенского. ГНИ «Советская энциклопедия». Изд. 3-е. М., 1960. Т. 10.
15. Маркс К., Фридрих Э. Сочинения / К. Маркс, Э. Фридрих. Изд. 2-е. М., 1954. Т. 13.
16. Масловский М.В. Социология политики: классические и современные теории / М.В. Масловский. М., 2004.
17. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история / В.Н. Никифоров. М., 1977.
18. Павлова И.П., Владимирский Е.А., Оводенко А.А., Ильинская Е.М. История экономических учений / И.П. Павлова, Е.А. Владимирский, А.А. Оводенко, Е.М. Ильинская // Теория стадий экономического роста У. Ростю. Изд. 3-е. СПб., 2000.
19. Панарин А.С. Философия истории / А.С. Панарин. М., 1999.
20. Платон Государство / Платон // Избранное. М., 2006.
21. Полибий Всеобщая история / Полибий. М., 2004.
22. Сафронова Е.В., Карсканова С.В. «Государство» и «государственность»: проблемы терминологического соотношения и определения / Е.В. Сафронова, С.В. Карсканова // История государства и права. 2014. № 22. С. 42–47.
23. Советский энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. М., 1983.
24. Тойнби А. Постигание истории / А. Тойнби. М.: Изд-во «Прогресс», 1996.
25. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.Н. Ковалева, В.Г. Пан. М., 1983.
26. Ханкевич О.И. Древнее общество и государство: вопросы типологии и периодизации. Право и демократия. Вып. 14. БГУ / О.И. Ханкевич. Минск, 2003.
27. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. 1994. № 1.
28. Хвостов В.М. Общая теория права / В.М. Хвостов. СПб.: Москва: Варшава: Вильно, 1914.
29. Чистяков О.И. Введение в историко-правовые науки / О.И. Чистяков // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1996. № 4.
30. Шемякин А.Г. Проблема цивилизации в советской научной литературе 60–80х годов / А.Г. Шемякин // История СССР. 1991. № 5.
31. Энциклопедический словарь по культурологии / под ред. А.А. Радугина. М., 1997.

Исторические типы государственного суверенитета России

*Бредихин Алексей Леонидович,
кандидат юридических наук
axel_b@mail.ru*

В данной статье автор выделяет исторические типы государственного суверенитета России за всю историю существования государства. Для выделения соответствующих типов используются критерии принадлежности власти к определенной политической силе и юридические основы государственной власти.

Ключевые слова: государство, суверенитет, исторический тип суверенитета, верховная власть.

Historical Types of State Sovereignty of Russia

*Bredikhin Aleksey L.,
Candidate of Legal Sciences*

In this article the author highlight the historical types of state sovereignty of Russia for all history of existence of the state. To highlight the corresponding types of criteria that supplies power to a certain political force and legal foundations of state authority.

Key words: state, sovereignty, historical type of sovereignty, the Supreme power.

Государственный суверенитет России наличествует у нашей страны на протяжении всей истории, однако в различные периоды развития изменялось его качественное своеобразие. Существуют множество

мнений относительно характеристик элементов государственного суверенитета России и его качественного определения, однако бесспорно, что периодизация истории российского государства проводится

в том числе по принципу смены исторических типов суверенитета.

Из анализа государственно-властных отношений в отдельные периоды истории России необходимо выделить следующие типы государственного суверенитета.

1. Военно-феодалный тип (IX–XII вв.). Образование Российского государства, по мнению В.О. Ключевского, стало возможным благодаря двум факторам: военному и общему интересу. Так как население в этот период было разобщено на отдельные враждебные части, то необходима была вооруженная сила, способная их сплотить. Общий интерес состоял в необходимости вооруженной силы, способной оградить пределы страны и ее торговые дороги от внешних нападений¹.

Суверенная, верховная власть данного периода принадлежала Великому князю и его дружине. Киевский князь имел большое количество земель, зависимых крестьян, поэтому для защиты своей собственности содержал сильную дружину.

Социальной опорой власти князя являлся класс крупных землевладельцев-феодалов, в который входили киевские князья, местные (племенные) князья, общинная знать (бояре), дружина князей, верхушка служилых людей.

В названный период не существовало документов по типу конституции, которые бы определяли государственное устройство, систему органов власти и иные вопросы государственности. Поэтому о юридическом закреплении государственного суверенитета можно судить из других правовых источников.

Важнейшим из них является «Русская правда», которая дошла до нас в трех редакциях: краткой, пространной и сокращенной². «Русская правда» содержит в основном нормы уголовного права, определяет наказания за определенные виды преступлений. Однако имеются и нормы, определяющие господствующее положение класса феодалов (в большей степени в пространной редакции «Русской правды»), что выражается в установлении привилегий, зависимо-

го положения смердов, закупов. Кроме того, большое внимание уделяется защите права феодальной собственности на землю.

Заслуживающими внимания являются и договоры Руси с Византией, которые по своей сути являются международно-правовыми актами. То, что верховный князь заключал такие договоры, говорит о нем как о представителе суверенного государства.

2. «Раздробленный» суверенитет (XII–XV вв.). На данном этапе своего развития в результате укрепления крупной земельной собственности феодалов и их политической самостоятельности единая территория России распадается на множество княжеств, которые были практически независимы друг от друга. Местные князья обладали всей полнотой власти на территории своего княжества. Отношения суверенитета продолжали существовать, но лишь в рамках отдельных земель, а не на всей территории Руси. В связи с этим в данный период нельзя говорить о существовании единого Российского государства³ и наличии единого государственного суверенитета.

Характеризуя политический аспект суверенитета, нужно отметить, что основные его характеристики сохранились, однако действовал он в пределах отдельных княжеств, которые не были между собой связаны. Местные князья в данный период уже не зависели от власти киевского князя, самостоятельно проводили внутреннюю политику и вступали во внешние отношения.

Несмотря на это некоторые обстоятельства позволяют рассматривать период феодальной раздробленности как этап государственного развития. В Древней Руси сформировалось понятие «земли», включавшее в себя ту или иную народность и территорию, где она размещалась⁴. По замечанию Ю.В. Пуздрача, понятию земля включала в себя как княжение (а иногда и несколько княжений), так и самовластие народа, как вече — собрание земли, так и начальников над ней — князей⁵. Таким об-

¹ Ключевский В.О. Русская история. М.: ЭКСМО, 2008. С. 35–36.

² См.: Российское законодательство X–XX вв. Законодательство древней Руси. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984.

³ См.: Овчинников В.А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. 2006. № 10. С. 20–29.

⁴ См.: Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Бунт Стеньки Разина. М., 1994. С. 16.

⁵ Пуздрач Ю.В. История Российского конституционализма IX–XX веков. СПб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2004. С. 15.

разом, понятие земли является объединяющим народ России фактором и говорит о его единстве.

Кроме того, верховная власть на Руси принадлежала не конкретному правителю, а княжьему роду. Поэтому, несмотря на раздробленность, наиболее значительные княжества управлялись князьями, принадлежащими к одному роду. В этот период созывались феодальные съезды, где решались вопросы жизни единой русской земли.

Основным источником права Руси на данном этапе являлась «Русская правда», которая действовала во многих княжествах. Лишь в Новгороде и Пскове были подготовлены судные грамоты, которые заменили ее действие.

Таким образом, на данном этапе нельзя говорить о наличии единого суверенитета Руси, однако, исходя из политико-правовой его сущности, нужно отметить то, что имелись признаки политического суверенитета. А именно: принадлежность удельных князей к общему княжескому роду, наличие общей для всех «земли русской» и применение «Русской правды».

3. Феодально-монархический тип (вторая половина XIV — первая половина XVI в.). На данном этапе происходит усиление Московского княжества. Умелая политика московских князей привела к тому, что в период со второй половины XIV в. по первую половину XVI в. Московское княжество объединяет вокруг себя все ранее независимые земли-княжества.

Власть в это время принадлежит феодалам, собственникам земли. Однако местные князья уже не имеют широких полномочий по управлению княжеством.

На территории Руси на данном этапе господствующей политической силой становятся московские князья, которые именуют себя «государями всея Руси». Факторами, которые позволили Московскому княжеству получить верховную власть, являются: экономические ресурсы, вооруженные силы и личные качества московских князей.

В XV–XVI вв. сложившееся самодержавие получает и идеологическое обоснование. В связи с тем, что Русь переняла из Византии государственную символику, религиозные атрибуты и статус православной державы, обосновывалась теория, что Москва — это «третий Рим», и московские цари продолжа-

ют линию, берущую начало от Римских императоров. Кроме того, митрополит на Руси назначался уже без согласования с Византией, которая в это время уже не существовала. Таким образом, государственная идеология в тесной связи с религией стала основой единства нации и закрепляла политический суверенитет государства.

В отличие от периода феодальной раздробленности государственный суверенитет в эпоху централизации государственной власти приобретает полное оформление. Политические основы государственного суверенитета не только приобретают окончательный вид, но и выражаются в системе органов государственной власти, а также закрепляются в юридических документах.

Система органов государственной власти строилась согласно следующей схеме: Великий князь (в дальнейшем именовался «государем всея Руси», царем) — Боярская дума — отраслевые приказы — наместники и волостели.

Сложившаяся система органов государственной власти говорит, с одной стороны, о централизации управления, так как верховный князь формировал Боярскую думу и назначал руководителей приказов и местных органов власти (наместников, волостелей), с другой стороны, все органы власти выражали интересы феодалов, и все высшие должностные лица сами владели земельной собственностью.

Свойства суверенитета Московского княжества нашли отражение в юридических документах. Судебник 1497 г. был создан на основе предшествующих нормативных актов («Русская правда», уставные грамоты) и закреплял верховную власть великого князя и господство класса феодалов. Статья 30 судебного устава устанавливает пошлины, которые уплачивались судебному приставу за «езд», при этом указывались конкретные населенные пункты, что таким образом указывало на состав территорий Московского княжества⁶.

Судебник содержал в себе также составы государственных преступлений, таких как «крамола» — измена князю, «подым» — мятеж, призыв к восстанию.

⁶ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 38–39.

Великим князем были приняты и нормативные акты, определяющие статус местных органов власти (например, Двинская и Белозерская уставные грамоты), что также определяло суверенное положение верховной власти.

4. Аристократический тип (середина XVI — середина XVII вв.). По сравнению с предыдущим этапом развития в России нарастает оппозиция царю со стороны крупных бояр и бывших удельных князей. Монарх уже не может принимать важнейшие государственные решения без учета мнения крупнейших землевладельцев, представленных в Боярской думе. Усиление роли Боярской думы в управлении страной позволяет говорить о том, что верховная власть принадлежала в большей степени этому представительному органу, а не монарху. Однако, ввиду того, что между монархом и Боярской думой происходила борьба за власть, приведшая в конечном итоге к абсолютизму монарха, носителем верховной власти следует признать и монарха и крупнейших землевладельцев. При этом, усиление монаршей власти стало реальным благодаря опоре на развивающийся класс дворян и верхушку горожан.

Структуру органов государственной власти составляли: царь; Боярская дума; Земские соборы, которые в совокупности являлись носителем государственного суверенитета в юридическом смысле. При этом особое место занимали Земские соборы, созывавшиеся для принятия важнейших вопросов государственной жизни. В состав Земских соборов были включены сословия, занимающие господствующее положение в обществе: аристократия (духовная и светская), дворянство и верхушка посадского населения. Благодаря этому эпоха получила название сословно-представительной монархии.

Юридическое закрепление суверенных свойства государства данной эпохи получили главным образом в Соборном уложении 1649 года. В частности, уложение закрепило изменение, произошедшие в статусе сословий господствующего класса. А именно, учтены интересы церкви, дворянства, верхушки посадского населения.

Хотя Соборное уложение на первое место ставило преступления против веры, а государственные на второе, несколько рас-

ширилось количество составов преступлений против государственной власти. Таковыми признавались, наряду с существовавшими раньше, покушение на здоровье царя, его оскорбление. Значительное место в уложении отводится таким государственным преступлениям, как измена, мятеж, заговор.

5. Абсолютистский тип (вторая половина XVII—XIX вв.). С середины XVII в. наметилась тенденция к усилению власти царя и концентрации в его руках абсолютной власти. Царь к этому времени уже сконцентрировал в своих руках большие материальные ресурсы, сильное войско, поэтому не нуждался в поддержке дворянского войска. Церковь также была подчинена государству.

Свой окончательный вид российский абсолютизм приобретает в эпоху правления Петра I, который благодаря проведенным реформам приобретает неограниченные полномочия по управлению государственными делами. По указу Петра I Феофан Прокопович в труде «Правда воли монаршей» формирует идеологическое обоснование абсолютизма, окончательно оформляя политическое господство государя.

Система государственных органов в данный период эволюционировала, однако общей чертой являлось их централизованная структура, во главе которой стоял монарх. Он напрямую мог давать указания любому структурному звену государственных органов.

Верховная власть монарха находит свое юридическое закрепление. В ст. 20 Воинских артикулов указано: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен; но силу и власть имеет свои государства и земли яко христианский государь по своей воле и благомнению управлять»⁷.

Среди нормативных документов данного периода можно назвать Артикул воинский 1715 года, представляющий собой кодификацию уголовных норм. Важное место в нем занимают нормы, охраняющие верховную власть от посягательств. В главе III артикула установлено наказание не толь-

⁷ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 171.

ко за попытку свержения монарха, но и за такое намерение, даже если оно не выразилось в каких-либо действиях. Такому же наказанию подвергался и тот, кто был осведомлен о действиях, направленных против монарха, но не сообщит об этом (арт. 19). Смертная казнь полагалась и за оскорбление монарха.

Свод законов Российской империи 1835 г. так же, как и предшествующие документы, закрепил абсолютную монархию. В статье первой было установлено, что «император российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти сам бог повелевает»⁸. За покушение или умысел на покушение на особу и власть императора грозилась смертная казнь.

6. Буржуазно-монархический тип (начало XX в. — февраль 1917 г.). Существовавший абсолютистский режим государственной власти не удовлетворял широкие слои населения, что привело к массовым выступлениям рабочих и крестьян и революционным событиям 1905 года. В результате этого власть идет на уступки и в стране начинает складываться конституционная монархия.

Власть монарха уже не была абсолютной, так как сформировавшиеся оппозиционные политические силы пользовались широкой поддержкой населения и представляли опасность для существующего режима. Указанные обстоятельства повлекли за собой изменение юридических основ государственной власти.

Важнейшим документом является Манифест 17 октября 1905 г.⁹, где императором даровалась свобода совести, слова, собраний и союзов; провозглашалось привлечение к участию в выборах широких слоев населения; устанавливался обязательный порядок утверждения Государственной Думой всех издаваемых законов.

Таким образом, в стране должен был утвердиться буржуазный строй с ограниченной парламентом монархией. Однако Свод основных государственных законов 1906 г. (далее — Основные законы), по формальным признакам представлявший собой конституционный акт, хотя и предоставил широкие полномочия Государственной Ду-

ме, но оставил широкие возможности для императора.

Оба состава Государственной Думы были с перевесом левых сил, что говорит о слабой социальной опоре власти монарха. По сути, это может говорить о разрыве политического и юридического суверенитета, что в итоге предопределило направление вектора развития страны.

7. Буржуазно-демократический тип (март–октябрь 1917 г.). В результате февральской буржуазно-демократической революции была упразднена монархия. На обладание государственной властью претендовали две политические силы: Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, сложилось двоевластие, а точнее противостояние происходило между номинальной и реальной властью. Политическим суверенитетом обладали Советы, имевшие реальную опору на население — рабочих, солдат и крестьян — и прочную идеологическую основу. Временное же правительство являлось носителем юридического суверенитета, но так как действовало в интересах буржуазии, то не имело такой широкой социальной поддержки.

Временное правительство в дальнейшем произвело изменения государственного аппарата, а также незначительно изменило законодательную базу, существовавшую до свержения царизма. Лишь 1 сентября 1917 г.¹⁰ Временное правительство провозгласило Россию республикой.

14 сентября 1917 г. созывается Демократическое совещание, на котором был сформирован Временный совет республики. В конце сентября — начале октября 1917 г. юридическим совещанием при Временном правительстве разработаны проекты конституционных законов, в том числе проект нормативного акта «Об организации исполнительной власти при Учредительном собрании». Главой государства должен был стать президент. Указанные документы планировалось вынести на рассмотрение Учредительного собрания, но Октябрьская революция не позволила реализовать намеченное.

8. Советский тип (1918–1991 гг.). Все намерения Временного правительства

⁸ Там же. С. 171.

⁹ Там же. С. 275.

¹⁰ См.: Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. С. 129.

по установлению республики не увенчались успехом, и в результате Октябрьской революции к власти пришли большевики. С данного момента следует отсчитывать историю Советского периода России. Фактическое господство системы Советов реализовалось в Конституции РСФСР 1918 года. В гл. 1 сказано, что «Россия является Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам»¹¹. Далее в п. 10 гл. 10 указано: «Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских Советах»¹². Таким образом, по этой Конституции верховная государственная власть принадлежала рабочему классу, объединенному в Советы.

В декабре 1922 г. I съезд Советов СССР утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР. В январе 1924 г. была утверждена первая Конституция СССР, которая состояла из Декларации и Договора об образовании СССР. В СССР за весь период было принято еще две Конституции (в 1936 и 1977 гг.).

В гл. 2 Конституции СССР 1924 г. сказано, что суверенитет союзных республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей Конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза. Вне этих пределов каждая союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик. Далее провозглашалось право каждой республики на выход из состава СССР. Это дает основание считать, что юридически суверенитетом наделялись республики в составе СССР, а не сам Союз. Однако в Конституции в ведение Союза ССР передавались важнейшие суверенные полномочия, которые не позволяли говорить о самостоятельности республик.

По Конституции СССР 1936 года также вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Конституция СССР 1977 г. определила, что «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое общенародное государство, выражающее волю и интересы рабочих, крестьян и интеллигенции, трудящихся всех наций и народностей страны». Из этого положения следует, что под народом понимаются рабочие, крестьяне и интеллигенция. Интеллигенция ранее не включалась в состав «народа».

В ст. 75 Конституции 1977 г. значится: «Территория Союза Советских Социалистических Республик едина и включает территории союзных республик. Суверенитет СССР распространяется на всю его территорию». Статья 76 Конституции указывает на то, что «союзная республика — суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик»¹³. Таким образом, можно сделать вывод о наличии «двойного суверенитета» в рамках СССР. Однако это противоречит как правовой теории, так практике отношений в рамках СССР. Суверенитетом в данном Союзе обладали отдельные республики в его составе были наделены отдельными полномочиями.

Между тем в Союзе ССР существовал разрыв между политическим содержанием и юридической формой государственного суверенитета. А именно, правящим классом являлся партийный состав КПСС. Это подтверждается ст. 6 Конституции СССР 1977 г.: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма».

9. Либерально-бюрократический тип (с 1991 г.). Особенностью данного ти-

¹¹ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 305.

¹² Там же.

¹³ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 387.

па суверенитета является наличие либеральной конституции и доминирование бывшей советской бюрократии. В.А. Лебедев и В.В. Киреев существующий в стране строй называют «бюрократическим капитализмом»¹⁴ и обосновывают это тем, что в условиях рыночной экономики опорой государственной власти стал класс «бюрократии», то есть чиновников, руководствующихся в своей деятельности преимущественно собственными интересами.

Особенности суверенитета современной России обусловлены следующими факторами: недостаточно развитая политическая система, в рамках которой существующие политические отношения не в полной мере соответствуют закреплённому конституционному порядку; федеративная модель суверенитета, основанная на единстве суверенитета Российской Федерации при конституционном определении республик в составе России в качестве государства; незавершенный процесс формирования государственной идеологии.

Либерально-бюрократический тип в настоящее время исчерпывает себя, однако перехода к новому периоду еще не произошло.

¹⁴ Лебедев В.А., Киреев В.В. Суверенная демократия и «Единая Россия» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 21. С. 8.

Литература

1. Конституция РФ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Братко А.Г. Гарантии экономического суверенитета Российской Федерации // Публичное и частное право. 2015. № 1.
3. Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: государство и верховная власть в традиционном мировоззрении // Философия права. 2006. № 1.
4. Иванов И.В. Суверенитет многонационального народа Российской Федерации (вопросы теории и практики). 2014. № 6.
5. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Бунт Стеньки Разина. М., 1994.
6. Ключевский В.О. Русская история. М.: ЭКСМО, 2008.
7. Крылов К.А. Теория развивающегося классового суверенитета в советской правовой литературе // История государства и права. 2007. № 15.
8. Левин И.Д. Суверенитет / И.Д. Левин / предисл. д.ю.н., проф. С.А. Авакьяна. СПб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2003.
9. Лебедев В.А., Киреев В.В. Суверенная демократия и «Единая Россия» // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 21.
10. Овчинников В.А. Суверенитет феодального государства // Военно-юридический журнал. 2006. № 10.
11. Пуздрач Ю.В. История Российского конституционализма IX–XX веков. СПб.: Изд-во «Юридический центр «Пресс», 2004.
12. Российское законодательство X–XX вв. Законодательство древней Руси. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984.
13. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997.

Институт представительства по Уставу уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года

*Воскобойник Игорь Олегович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета
Министерства внутренних дел России,
кандидат юридических наук
voskoboyn_ugpro@mail.ru*

Автор статьи анализирует историко-правовые аспекты становления и развития института представительства в уголовно-процессуальной отрасли права.

Ключевые слова: потерпевший, обвиняемый, несовершеннолетний, представитель.

Representation Concept under the Statute of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864

*Voskoboynik Igor O.,
Senior Lecturer of the Department of Criminal Proceedings
of Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

The author of the article analyzes historical and legal aspects of formation and development of Institute of representation in the criminal procedure law.

Key words: the victim, the accused, a minor, a representative.

Один из этапов развития института представительства в уголовно-процессуальной отрасли права связан с судебной реформой 1864 года, положившей начало новым по содержанию правоотношениям в уголовном судопроизводстве России, и начинает свой отсчет с 20 ноября 1864 года — момента утверждения Александром II Устава уголовного судопроизводства Российской империи¹ и Учреждения судебных установлений², в котором были конкретизированы различные аспекты института

представительства, положено начало употреблению многих из основных понятий исследуемого института.

В целом анализ законодательных актов периода судебной реформы позволяет согласиться с учеными-процессуалистами в том, что в исследуемый период происходит переход от розыскного к смешанной форме уголовного процесса³, которая влечет за собой неизбежный пересмотр значения и правил деятельности представителей участников уголовного судопроизводства. В этой связи справедливо, отмечает Е.В. Васьковский, что «Судебные уставы не ограничились попыткой улучшить прежний и разлагавшийся судебно-процессуальный строй, а создали совершенно новый, порвав всякую связь с прошлым. Они произвели своего рода геологический переворот, выдвинувший новую формацию, положивший начало новой эры в юридическом развитии России»⁴.

Именно отделение обвинения от суда, пересмотр роли прокурора в судебном про-

¹ Анализ регламентации деятельности законных представителей несовершеннолетних по Уставу произведен с учетом дополнений, внесенных в него Законом от 2 июня 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказании». См.: Закон от 2 июня 1897 г. «Об ответственности малолетних и несовершеннолетних», с приложением циркуляра министерства юстиции о порядке применения этого закона, правил пересылки несовершеннолетних, списка исправительных колоний и приютов и примечаний составителя: сборник / сост. Н.К. Мартынов. СПб., 1897.

² См.: Свод законов Российской Империи. Т. XVI. Ч. 1. Судебные уставы (в ред. 1892 г.). СПб., 1892; Случевский В.Л. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 500–502.

³ Уголовный процесс: учебник для студентов вузов / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 68.

⁴ Васьковский Е.В. Курс гражданского судопроизводства. М., 1913. Т. 1. С. 16.

цессе и введение суда присяжных обусловили необходимость расширения прав сторон по отстаиванию своих интересов, что и послужило толчком к развитию обособившихся друг от друга ранее видов представительства в уголовном процессе — «законного» (обязательного) и договорного (профессионального).

Исследование изменений в законодательной регламентации участия обязательных («законных») представителей в уголовном судопроизводстве, произошедших в рамках судебной реформы 1864 года, позволяет сделать вывод о том, что ранее неизвестные уголовному процессу гарантии прав на защиту и отстаивание своих законных интересов получили лица, не имеющие полной процессуальной дееспособности, позволяющей осуществлять подобную деятельность самостоятельно.

Вместе с тем, регламентируя деятельность обязательных («законных») представителей указанной категории лиц, привлекаемых к участию в делах о преступлениях несовершеннолетних с целью установления обстоятельств, характеризующих умственные и психологические качества обвиняемых (ст. 356-1 — 356-6 Устава), Устав не содержит четкого понятийного аппарата, определяющего статус самих представляемых. Об этом свидетельствуют содержащиеся в тексте термины: «малолетний», «несовершеннолетний», «дети», «ребенок». Трактовка данных понятий в законе отсутствует, а возраст, которым апеллирует законодатель при их употреблении, позволяет сделать вывод том, что о «законном» (обязательном) представительстве подсудимых «детей», «малолетних» речь идти не могла, вследствие того, что их возраст не превышал 10 лет, иными словами, возрастного уровня привлечения к уголовной ответственности⁵. В свою очередь нормы

⁵ Несмотря на то, что в ходе проведенной судебной реформы 1864 г. в рамках уголовного законодательства было весьма условно выделено пять возрастных классов, следует согласиться с точкой зрения, высказанной в юридической литературе о том, что возраст безусловной невменяемости простирался, по сути, до 10 лет. См.: Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве. СПб.: Питер, 2001. С. 14–15; Чарыхов Х.М. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России // Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 30.

ст. 861 Устава уголовного судопроизводства 1864 года определяли, что обязательное («законное») представительство несовершеннолетних обвиняемых имеет место в случае достижения обвиняемым 10-летнего возраста до момента исполнения ему 17 лет. Таким образом, следует прийти к выводу о том, что одним из недочетов в законодательной регламентации обязательного («законного») представительства несовершеннолетних подсудимых являлся усложненный понятийный аппарат, в результате своей условности во многом не отражающий юридической сущности исследуемых правоотношений.

В качестве обязательных («законных») представителей несовершеннолетних обвиняемых уже в ходе предварительного следствия допускались их родители, опекуны или лица, у которых обвиняемый находился на попечении. Указанные лица уведомлялись об окончании предварительного следствия и были вправе ходатайствовать об ознакомлении с материалами уголовного дела. Немаловажное значение при этом имела норма, воспринятая современным российским уголовным процессом, дающая право обязательным («законным») представителям отказаться от дачи показаний. Это означало, что деятельность обязательных («законных») представителей несовершеннолетних обвиняемых не могла противоречить интересам последних и причинять вред представляемым.

Говоря о полномочиях, предоставленных обязательным («законным») представителям несовершеннолетних обвиняемых, следует отметить право отвода, распространяемое на прокурора, секретаря судебного заседания и суд (ст. 854 Устава)⁶.

Необходимо отметить, что регламентация в Уставе возможности обязательно («законного») представителя действовать не вместо представляемого, как было в рамках предыдущих этапов развития института обязательного («законного») представительства, а наряду с ним, явилась значительным прорывом в становлении исследуемого института. При этом наличие защитника несовершеннолетнего подсуди-

⁶ Мелешко В.В. История возникновения и развития института представителей участников уголовного процесса // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2002. № 2 (4). С. 122–123.

мого не лишало последнего права иметь обязательного («законного») представителя. Напротив, его обязательный («законный») представитель был наделен правом выступать в суде, но только лишь после защитника представляемого им лица. Кроме того, суд мог признать участие «законного» представителя в судебном разбирательстве обязательным.

Интересным представляется и законодательное решение вопроса, спорного и в современном уголовном судопроизводстве, о том, вправе ли обязательный («законный») представитель иметь своего представителя. Согласно ст. 643-1 Устава обязательные («законные») представители несовершеннолетних подсудимых имели возможность приглашать для себя поверенного.

Переходя к рассмотрению обязательного («законного») представительства несовершеннолетних потерпевших, следует отметить, что вышеуказанная сложность в определении возрастной дееспособности подсудимых не была разрешена нормами уголовно-процессуального закона 1864 года и в отношении потерпевших. Данный законодательный пробел не обошел внимание и ученых-процессуалистов. По свидетельству И.Я. Фойницкого, в юридической литературе того времени сложились различные мнения по данному вопросу. Суть первых из них сводилась к точке зрения о том, что право обвинения принадлежит малолетним на общем основании. Другие авторы считали, что заранее установить конкретный возрастной минимум для определения уголовно-процессуальной дееспособности невозможно, вследствие чего в каждом случае необходимо определять степень развития малолетнего⁷.

Вместе с тем анализ Устава уголовного судопроизводства 1864 года позволяет сделать вывод о том, что его нормы, с одной стороны, признавали несовершеннолетних в качестве свидетелей, но, с другой, — не наделяли несовершеннолетнего потерпевшего правом самостоятельного поддержания обвинения по делам частного обвинения. В качестве обязательных («законных») представителей потерпевших признавались родители, супруги и опекуны потерпевших.

⁷ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. С. 32–33.

Качественно новую сущность сторон в уголовном процессе в ходе проведения судебной реформы 1864 года приобретает и договорное представительство.

Так, нормами Устава впервые в рамках уголовного процесса регламентировалась деятельность поверенных потерпевшего, гражданского истца и гражданского ответчика. При этом ст. 45 Устава, предъявляя вполне разумные требования к поверенным, регламентировала, что ими не могут быть неграмотные, отлученные от церкви, признанные несостоятельными и т.д. Вместе с тем исследователи советского периода приходили к выводу о том, что «здесь ясно виден классовый характер этих ограничений»⁸. Следует согласиться с мнением, согласно которому «при учреждении сословия присяжных поверенных законодательная власть имела целью организовать среду сведущих людей, отличающихся, кроме специальных познаний, такими нравственными качествами, которые могли бы служить достаточной гарантией вполне добросовестного отношения их не только к интересам доверителей, но и к самому правосудию»⁹.

В свою очередь сами поверенные подразделялись на присяжных, которые входили в корпорацию адвокатов и давали профессиональную присягу, а также частных, которые занимались адвокатской деятельностью самостоятельно. Это явилось следствием того, что при создании адвокатуры в России образцом послужил немецко-австрийский тип, который характеризовался соединением в одних руках функций правозаступничества и судебного представительства¹⁰.

Впервые в истории института представительства в уголовном процессе за

⁸ Туленков П.М. Представительство в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 75.

⁹ Правила адвокатской профессии в России: Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А.Н. Марков. М., 1913 год / сост.: А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов; отв. ред. Ю.В. Тихонравов. М.: Статут, 2003. С. 19.

¹⁰ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. Т. 1. С. 772.

лицами, осуществляющими договорное представительство (в данном случае — присяжными поверенными), была закреплена обязанность оказывать бесплатную юридическую помощь неимущим слоям населения. Как указывает Е.Г. Тарло, на них также возлагалась обязанность осуществления защиты по назначению¹¹. Вместе с тем участия по назначению в качестве представителей потерпевшего, гражданского истца Устав уголовного судопроизводства, как действующее уголовно-процессуальное законодательство, не предусматривал.

Одним из видов представительства Устав, как уже говорилось, признавал представительство потерпевшего. Представитель потерпевшего именовался его поверенным и был правомочен жаловаться на действия судебных следователей (ст. 491 Устава), обжаловать в Судебную палату решение Окружного суда о прекращении следствия (ст. 528, 529 Устава).

Интересен факт ограничения участия поверенных потерпевших досудебным производством по уголовным делам в случаях, если сами потерпевшие не являлись частными обвинителями или гражданскими истцами.

Вместе с тем гражданский истец был правомочен иметь в суде своего поверенного, круг прав которого был равен объему прав представляемого лица. В то же время, как замечает С.В. Юношев, Устав не дает ясности в вопросе о том, могли ли пользоваться услугами поверенного гражданские истцы на стадии предварительного следствия¹². Отвечая на данный вопрос, следует обратиться к полномочиям самих поверенных гражданских истцов. Так, согласно ст. 302 и 305 Устава они были вправе до начала судебного заседания заявлять гражданский иск, причем вне зависимости от того, установлен ли обвиняемый по конкретному уголовному делу.

Однако в случае неустановления лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых, уголовное дело, пользуясь современной терминологией, являлось нераскрытым. Из этого следует, что по данной

категории дел не могло быть назначено и проведено судебное разбирательство, то есть право поверенного гражданского истца заявить иск реализовывалось в предварительного следствия. Кроме того, среди важнейших полномочий поверенного гражданского истца, которыми он, очевидно, мог воспользоваться в ходе предварительного следствия, следует отметить его права о возможности предоставления следователю доказательств, подтверждающих гражданский иск, и объяснений, касающихся события преступления, в части удовлетворения иска (ст. 742 Устава); возможности ходатайствовать о допросе свидетелей; ставить с разрешения следователя вопросы свидетелям и обвиняемым (ст. 718, 719 Устава).

О правильности приведенного выше вывода свидетельствует и изученная нами юридическая литература. Так, на право поверенного гражданского истца присутствовать при всех следственных действиях указывали А. Квачевский¹³, П.В. Макалинский¹⁴, В.В. Мелешко¹⁵.

Что касается судебного разбирательства, то в суде поверенный гражданского ответчика был правомочен заявлять отводы суду (ст. 85, 601, 602 Устава); ходатайствовать о продлении судебного следствия для подготовки к состязанию (ст. 734 Устава) в случаях представления противной стороной суду новых доказательств; приносить кассационные жалобы в части гражданского иска на приговоры суда.

В противовес правомочиям рассмотренного выше участника уголовного судопроизводства Устав регламентировал деятельность поверенного гражданского ответчика, предоставляя ему права оспаривать в суде заявленный иск. Поверенный гражданского ответчика также был наделен правом представлять доказательства в части, оспа-

¹¹ Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде: монография. М.: Известия, 2004. С. 69.

¹² Юношев С. В. Адвокат — представитель потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 36.

¹³ Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1. СПб., 1866. С. 194–195.

¹⁴ Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. 2. СПб., 1881. С. 200–201.

¹⁵ Мелешко В.В. История возникновения и развития института представителей участников уголовного процесса // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2002. № 2 (4). С. 123.

ривающей гражданский иск; заявлять отводы свидетелю, сведущему лицу и суду; представлять новых свидетелей; обжаловать приговор в части гражданского иска.

Как и поверенный гражданского истца, поверенный гражданского ответчика наделялся правами представляемой стороны¹⁶.

Говоря о поверенном частного обвинителя, следует отметить, что в суде он имел право представлять доказательства и заявлять отводы свидетелю, сведущему лицу, суду; приносить замечания по опровержению доводов и соображений противной стороны (ст. 600, 630 Устава); мирить представляемых им лиц.

В то же время анализ норм Устава, относительно регламентации прав поверенного, не дает однозначных ответов на вопрос о возможности участия поверенного частного обвинителя на предварительном следствии. Обращаясь к заметкам ученых того времени, следует отметить, что П.В. Макалинский считал безосновательным отказ частному обвинителю иметь поверенного на предварительном следствии¹⁷.

Таким образом, приведенный анализ показывает, что объем процессуальных гарантий по представлению интересов потерпевшего мог быть реализован только в случае, когда последний одновременно являлся гражданским истцом и (или) частным обвинителем. Как справедливо замечает С.В. Юношев, в связи с тем, что по делам частного обвинения потерпевший во всех случаях наделялся статусом частного обвинителя, получалось, что по делам частного обвинения поверенные гражданских истцов допускались к участию в деле на предварительном следствии, а по делам публичного обвинения — нет¹⁸.

Подводя итог, следует отметить, что рассматриваемый этап становления института представительства в уголовно-процессуальной отрасли права связан с его развитием в рамках самостоятельной отрасли

права. Из этого следует, что в рамках данного этапа (с 20 ноября 1864 г. по 24 ноября 1917 г.) институт представительства, сохранив свое гражданское начало, приобрел особенности, характерные именно для уголовно-процессуального представительства. Важнейшим при этом является законодательная регламентация деятельности представителей отдельных участников уголовного судопроизводства и наделение каждого из них конкретным кругом прав и обязанностей.

Литература

1. Васильковский Е.В. Курс гражданского судопроизводства / Е.В. Васильковский. М., 1913. Т. 1. С. 16.
2. Галимов О.Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О.Х. Галимов. СПб.: Питер, 2001. С. 14–15.
3. Закон 2 июня 1897 г. «Об ответственности малолетних и несовершеннолетних», с приложением циркуляра министерства юстиции о порядке применения этого закона, правил пересылки несовершеннолетних, списка исправительных колоний и приютов и примечаний составителя: сборник / сост. Н.К. Мартынов. СПб., 1897.
4. Квачевский А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года. Теоретическое и практическое руководство. Ч. 1 / А. Квачевский. СПб., 1866. С. 194–195.
5. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. 2 / П.В. Макалинский. СПб., 1881. С. 200–201.
6. Мелешко В.В. Институт представителей участников уголовного процесса (по материалам Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук / Мелешко В.В. М., 1994. С. 58.
7. Мелешко В.В. История возникновения и развития института представителей участников уголовного процесса / В.В. Мелешко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2002. № 2 (4). С. 122–123.
8. Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты А.Н. Марков. М., 1913 / сост. А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов; отв. ред. Ю.В. Тихонравов. М.: Статут, 2003. С. 19.
9. Случевский В.Л. Учебник русского уголовного процесса / В.Л. Случевский. СПб., 1913. С. 500–502.
10. Тарло Е.Г. Профессиональное представительство в суде: монография / Е.Г. Тарло. М.: Известия, 2004. С. 69.
11. Туленков П.М. Представительство в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / П.М. Туленков. М., 1970. С. 75.

¹⁶ Мелешко В.В. Институт представителей участников уголовного процесса (по материалам Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 58.

¹⁷ Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч. 2. СПб., 1881. С. 200–201.

¹⁸ Юношев С. В. Адвокат — представитель потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 37.

12. Уголовный процесс: учебник для студентов вузов / под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002. С. 68.
13. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / И.Я. Фойницкий. СПб.: Альфа, 1996. С. 32–33.
14. Чарыхов Х.М. Отношение действующего уголовно-процессуального законодательства к малолетним и несовершеннолетним в России / Х.М. Чарыхов // Дети-преступники / под ред. М.Н. Гернета. М., 1912. С. 30.
15. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Т. 1 / М.А. Чельцов-Бебутов. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957. С. 772.
16. Юношев С.В. Адвокат — представитель потерпевшего: дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Юношев. Самара, 2000. С. 36, 37.

Судебная система Временного Приамурского правительства в 1921–1922 гг.

*Попов Федор Алексеевич,
аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
porovf1992@mail.ru*

В статье рассматриваются основные черты судебной системы Приморья, сложившейся в период правления Временного Приамурского правительства в 1921–1922 гг. На основе оригинальных нормативно-правовых актов автор делает вывод о реформаторском характере политики приамурских «белых» законодателей в области юстиции.

Ключевые слова: судебная система, белое движение, Временное Приамурское правительство, суд присяжных, мировая юстиция, гражданская война.

Judicial System of the Provisional Priamur Government in 1921–1922

*Popov Fedor A.,
Postgraduate Student of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The article discusses the main features of the judiciary of the Primorye territory, established during the reign of the Provisional Priamur Government in 1921–1922. Based on the original normative legal acts the author makes the conclusion about the reformist character of policy of the priamur «white» legislators in the field of justice.

Key words: judiciary, white movement, Provisional Priamur government, jury trial, magistrates' courts, civil war.

Временное Приамурское правительство, сформированное в ходе антикоммунистического переворота 26 мая 1921 г., сразу же столкнулось с необходимостью «капитального ремонта» всей судебной системы в Приморье. За период нахождения у власти социалистов (в том числе большевиков) с 31 января 1920 г. по 26 мая 1921 г. на посту министра юстиции успело побывать 5 человек. Такая министерская «чехарда» не могла не оказать негативного влияния на местное правосудие. А между тем министры не просто сменяли друг друга, как в калейдоскопе, но и пытались реформировать судебную систему в соответствии со

своими идеологическими (т.е. социалистическими) предпочтениями. Хотя уровень свобод в Приморье был значительно выше, чем в Дальневосточной республике (далее — ДВР) и тем более в РСФСР, приморский суд времен Земской управы (правительство эсера А.С. Медведева) и Областного Управления ДВР («правительство» большевика В.Г. Антонова) нельзя назвать демократичным.

Правые силы, вошедшие в состав Приамурского Временного правительства, еще до переворота выражали недовольство состоянием суда в крае. По мнению газеты «Слово», печатного органа Несоциалисти-

ческого Съезда, «...суд, с одной стороны, запуганный актами произвола и насилия со стороны министров, с другой стороны, все-таки в известной мере подобранный ими в своем составе и так или иначе развращенный ими — не знает, куда ему пристать и все время колеблется между законностью и требованиями владеющей им партии»¹. После свержения Областного Управления ДВР у недавних критиков появился шанс реформировать судебную систему на свой лад, и они им воспользовались.

В одном из своих первых постановлений под № 4 правительство вносило коррективы в закон прежней власти о Владивостокской Судебной палате от 29 ноября 1920 г.² Фактически создавался новый орган высшей судебной власти, наделенный полномочиями Правительствующего Сената.

Согласно этому постановлению все судебные учреждения на территории правительства объединялись в Округ Судебной палаты. В столице Приморья учреждалась Владивостокская Судебная палата, к чьей юрисдикции относились гражданское, уголовное и административное судопроизводство. Приговоры Судебной палаты — высшего органа судебной власти — считались окончательными и обжалованию не подлежали. Надзор за деятельностью самого суда передавался собранию департаментов Владивостокской Судебной палаты (Общему собранию Судебной палаты).

Дела в отношении судей могли возбуждаться по инициативе управляющего ведомством юстиции (т.е. министра юстиции), на общих собраниях съездов мировых судей, окружных судов, а также на заседаниях департаментов Судебной палаты. В компетенции управляющего ведомством юстиции находилось возбуждение дисциплинарных дел против председателя Судебной палаты, председателей ее департаментов и против прокурора палаты. Наряду с прокурором управляющий ведомством юстиции мог возбудить дело в отношении всех прочих должностных лиц прокурорского надзора.

Общее собрание Судебной палаты наделалось правом пересмотра решений всех

подведомственных ей судебных органов и должностных лиц. За пределом ее компетенции находились только представители прокурорского надзора.

Все дела, возникшие на будущей территории Временного Приамурского правительства при диктатуре адмирала Колчака и подлежащие передаче Иркутской Судебной палате и Правительствующему Сенату (высшему судебному органу при Колчаке), передавались отныне Владивостокской Судебной палате. Те дела, по которым в Иркутской Судебной палате и Правительствующем Сенате уже были вынесены решения, считались законченными и не подлежащими обжалованию. Приговоры по ним должны были приводиться в исполнение. Установившаяся также порядок восстановления дел, утраченных по понятным причинам в Иркутске (он был занят большевиками).

На общих собраниях окружных судов выдвигались кандидатуры судебных следователей, судей по административным делам, членов окружного суда и товарищей председателя окружного суда, с последующим представлением этих кандидатур правительству через управляющего ведомством юстиции.

Общее собрание Судебной палаты во Владивостоке избирало председателей окружных судов, председателей департаментов и старшего председателя судебной палаты. Управляющий ведомством юстиции знакомил правительство с волей Общего собрания, а правительство утверждало или не утверждало представленных Судебной палатой лиц. При первом отказе правительства утвердить выдвинутое лицо проходили вторичные выборы. После второго отказа правительство было вправе назначить на вакантную должность своего кандидата.

Для назначения мировых судей не требовалось предоставлять кандидатуры на рассмотрение правительству. Они утверждались управляющим ведомством юстиции по представлению старшего председателя Судебной палаты.

В ст. 5 постановления, где за палатой закреплялось рассмотрение дел о должностных преступлениях, присутствовали ссылки на нормативно-правовые акты Российской империи и Временного правительства, в частности, на ст. 1316–1336 Уста-

¹ Нопод К. Паралич правосудия // Слово. 1921. № 280. 15 апр. С. 2.

² Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. № 1. 25 июня. С. 1.

ва гражданского судопроизводства, статьи 1066–1123 Устава уголовного судопроизводства и на закон «Об уголовной и гражданской ответственности служащих».

Как видно из текста постановления, большая роль в судебной системе «белого» Приморья отводилась органам судейского сообщества и, в первую очередь, Общему собранию Судебной палаты Владивостока. Но все лица, избранные судейским сообществом, могли занять свою должность только после утверждения их правительством.

Советская историко-правовая наука описывала режим Временного Приамурского правительства и, в частности, созданную им судебную систему в черных тонах. Считалось, что дальневосточные «белые» законодатели стремились исключительно к реставрации старых порядков, существовавших до свержения монархии. Например, Сонин утверждает, что «при строительстве “правового” государства меркуловское правительство особое внимание уделяло восстановлению царской судебной системы как, по его мнению, наиболее эффективной и соответствующей “правосознанию народа”»³. По идеологическим соображениям не афишировался тот факт, что деятели «меркуловского» режима видели свою миссию в модернизации судебной системы на Дальнем Востоке России. Это наглядно прослеживается как в риторике правительства, так и в конкретных нормативно-правовых актах. Безусловно, члены Приамурского правительства испытывали ностальгию по временам правления династии Романовых, но их правовая политика сводилась к созданию новых норм, а не к механическому воспроизводству Свода законов Российской империи. Необходимо помнить и то, что в силу своего отдаленного географического положения дальневосточная окраина к 1917 г. так и не усвоила характерный для центральных губерний правовой порядок. Поэтому даже внедрение дореволюционных норм приняло бы на Дальнем Востоке облик реформы.

Запоминающейся и новаторской мерой Временного Приамурского правительства стало введение им суда присяжных. Этот

институт судебной системы был неизвестен Дальнему Востоку. До 1917 г. дальневосточные окружные суды действовали в составе трех членов и не привлекали к процессу присяжных⁴. Если Западная Сибирь все же успела повидать суды присяжных после введения их в 1909 г. в ряде уездов Тобольской и Томской губерний, то для Восточной Сибири и Приамурского края такая форма судопроизводства была абсолютной terra incognita. В постановлениях от 10 января 1919 г. Совет Министров адмирала Колчака признавал необходимым введение суда присяжных в Иркутском окружном суде с 1 марта 1920 г., но этим планам не суждено было воплотиться по причине падения колчаковской диктатуры⁵. Временное правительство Приморской областной земской управы, пришедшее к власти после владивостокского переворота 31 января 1920 г., несмотря на данное им обещание ввести суд присяжных, не торопилось «демократизировать» судебную систему и выполнить обещанное. Напротив, при всем демократизме своих заявлений земские власти взяли курс на ограничение самостоятельности судейского корпуса, превращение его в придаток доминирующих партий — коммунистической и эсеровской. Тем удивительней, что Временное Приамурское правительство, прочно ассоциировавшееся с монархистами и «правым уклоном», решилось наконец-то допустить жителей Приморья до участия в отправлении правосудия.

Создание нового для региона судебного института было произведено правительством в предельно короткий срок. Указ № 8 от 8 июня 1921 г. возвещал о старте мероприятий по введению суда присяжных⁶. Законодатель отталкивался от Устава уголовного судопроизводства редакции 1914 г. и директив колчаковского Совета Министров января 1919 г. Уже 20 сентября открылась первая сессия Владивостокского

³ Сонин В.В. Приамурское буржуазное государственное образование («черный буфер») и крах политики и практики контрреволюции в Приморье. Владивосток, 1974. С. 30.

⁴ См.: Гамерман Е.В. Судебная реформа на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 5. С. 157.

⁵ См.: Дудко Н.А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2836.

⁶ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. № 2. 30 июня. С. 1.

окружного суда с участием присяжных заседателей. В посвященном открытию Указе № 41 подчеркивалась преемственность преобразований меркуловского правительства с Великими реформами Александра II, который впервые ввел в России суд присяжных. В тексте указа сообщалось, что «печальная и суровая действительность привела к тому, что в крае почти совершенно утрачено всякое уважение к закону и правопорядку» и «только участие самого народа в отправлении правосудия способно поднять уважение к Суду и народное правосознание на должную высоту». Введением суда присяжных Временное Приамурское правительство делало акцент на своей приверженности идеалам народоправства. Владивостокское «Слово» отмечало: «Ныне существующая в Приморье национальная власть, которую оппозиция обвиняет все время в недостаточности демократизма, нашла, однако, возможным не только на словах, но и на деле провести в жизнь края суд присяжных заседателей, который в наше время хотя и имеет противников, но, однако, все же признается одной из совершенных форм независимого суда»⁷. Кроме того, вокруг творцов судебного реформы возникла ореол продолжателей дела «царя-освободителя», что должно было лишний раз подтвердить главный идеологический постулат владивостокской власти, гласивший: «белое» Приморье — единственная «подлинная Россия». По словам управляющего юстицией С.П. Руднева, которому принадлежит основная заслуга в деле успешного проведения реформы, Судебные уставы 1864 г. в полном объеме действовали на территории «белого» Приморья вплоть до его падения осенью 1922 г.⁸

Более-менее благоприятный политический климат в приморском «буфере» привел к появлению ряда газет разных идеологических ориентаций. Собственные печатные рупоры имелись у кадетов, эсеров, национал-демократов, коммунистов. События 26 мая 1921 г. послужили толчком к ограничению свободы прессы. Первым делом были закрыты коммунистические и левоэсеровские газеты. Но и оставшаяся демократическая пресса представля-

ла определенную опасность для консервативного правительства. С целью если и не поставить под контроль прессу (оппозиционные газеты выходили в Приморье без всякой цензуры), то хотя бы заполучить рычаги давления на нее, Временное Приамурское правительство Указом № 29 от 15 июля 1921 г. создавало Временный Суд по делам печати⁹. В преамбуле указа образование нового судебного органа объяснялось «фактом злоупотребления частью прессы печатным словом» и затруднительностью борьбы с такими нарушениями при помощи существующих судов. Временный Суд по делам печати находился во Владивостоке и состоял из трех мировых судей, которые назначались управляющим ведомством юстиции без освобождения от их обязанностей в других судах. Под компетенцию суда попадали дела, предусмотренные статьями имперского Уложения о наказаниях уголовных и исправительных: 279-й (оскорбление «высших в государстве мест и лиц»), 280-й (такое оскорбление правительственных чиновников и учреждений, которое касается «действий их по исполнению служебных обязанностей»), 1034-й (перепечатывание запрещенных произведений), 1039-й (разглашение сведений из личной жизни должностных лиц), 1040-й (оскорбление должностного лица с использованием «злословия» или «брани», но без указания конкретного «позорящего обстоятельства») и второй частью 1535-й (клевета в отношении чиновника или членов его семьи, помещенная в печати).

Особенностью отправления правосудия во Временном Суде по делам печати было отсутствие предварительного следствия. Вероятно, в нем попросту не видели необходимости по причине доступности материалов газет, для изысканий которых услуги следователей были не обязательны. Уголовное дело возбуждалось по жалобе частного обвинителя или по предложению прокурора Окружного суда. На прокурора или на одного из его товарищей возлагалась обязанность сторону обвинения в судебном процессе.

Временному Суду по делам печати не суждена была долгая жизнь. Стесняя свободу прессы, он не устраивал все обще-

⁷ Суд присяжных // Слово. 1921. № 412. 25 сент. С. 2.

⁸ См.: Руднев С.П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1928. С. 405.

⁹ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. № 6. 25 июля. С. 1.

ственные силы Приморья, как левые, так и правые. Поэтому 16 декабря 1921 г. Приамурское Народное Собрание в третьем чтении приняло «Закон об упразднении Временного Суда по делам печати»¹⁰, который был подтвержден правительством 4 января 1922 г. в Указе № 73¹¹. Суд упразднился, его сотрудники увольнялись за штат, а имущество передавалось в уголовное отделение Окружного суда Владивостока.

В свете возвращения к идеалам 1860-х гг., на первый взгляд, надо рассматривать и новшества в области мировой юстиции. Следует отметить, что и до революционных событий 1917 г. мировая юстиция на Дальнем Востоке России имела свою специфику, в связи с чем некоторые исследователи говорят о «приамурской модели» мировых судов. Такой вывод позволяли сделать ряд особенностей, свойственных мировой юстиции дальневосточной окраины. Так, мировой судья Приамурского края не выполнял функций исполнительной власти, а осуществлял лишь функцию власти судебной. Должность мирового судьи была открыта не только для юристов-профессионалов, но и для наиболее уважаемых членов местного сообщества. Кроме того, отсутствовали съезды мировых судей в качестве апелляционной инстанции, а окружной суд не исполнял контрольную функцию применительно к нижестоящим мировым судьям. Помимо общероссийского законодательства в своей деятельности мировые суды руководствовались действовавшими на территории Дальнего Востока «Временными правилами об устройстве судебной части в губерниях и областях Сибири». Данный акт закреплял за мировым судьей нетипичные для него обязанности следователя по всем делам, за исключением особо важных. Но, пожалуй, самым главным отличием мировой юстиции Приамурского края было отсутствие выборности мировых судей. Судейский штат формировался путем назначения правительством по представлению приамурского генерал-губернатора¹². Исправлению данного дефекта

региональной судебной системы и решили посвятить свои дальнейшие шаги законодатели Временного Приамурского правительства.

Если учреждение института присяжных заседателей законодатель обосновывал (по крайней мере, на словах) идеалистическими отсылками к духу эпохи Александра II, то в случае с реформой мировых судов авторы нововведений были уже скупы на пафос и не скрывали своих меркантильных целей. Указу № 150 от 15 июня 1922 г.¹³, учредившему институт выборных мировых судей, предшествовала дискуссия в правительственных кругах. В рамках этой дискуссии на страницах «Вестника Временного Приамурского правительства» появились Основные положения по вопросу устройства хозяйственно-административного аппарата на местах¹⁴. Автор данного проекта — управляющий ведомством внутренних дел В.П. Разумов считал введение выборного начала в мировых судах важным шагом на пути развития местного самоуправления. Избрание мировых судей через земские органы, на взгляд Разумова, должно было ускорить судопроизводство, укрепить доверие населения к власти но, прежде всего, избавить правительство от хлопот по возведению громоздкого аппарата волостных судов, которые «были понятны и, может быть, нужны, когда жизнь в уездах строилась на началах сословных»¹⁵. Здесь стоит отметить, что основной причиной, побудившей Разумова составить свой проект, стал острый финансовый кризис Приамурского государственного образования. Поэтому аргументация «Основного положения» апеллирует к интересам правительства, а не граждан. Перекалывание бремени комплектации и содержания судов низшего звена на местное население позволяло правительству сэкономить средства, предназначенные на подготовку судебных кадров и оплату их труда. Конечно, дефицит профессиональных юристов в волостях представляет собой проблему,

деятельность, историческая миссия: монография / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Лонской. М., 2016. С. 232–233.

¹⁰ Приамурское Народное Собрание // Слово. 1921. № 480. 17 дек. С. 2.

¹¹ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1922. № 6. 31 янв. С. 1.

¹² См.: Пашкевич А.В. Особенности введения мировой юстиции в Сибири и на Дальнем Востоке России // Мировая юстиция в России. Создание,

¹³ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1922. № 35. 19 июня. С. 1–2.

¹⁴ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1922. № 4. 24 янв. С. 2–4.

¹⁵ Там же.

но, по мнению Разумова, точно такой же дефицит неизбежен при назначении судей правительством. Избрание судей волостными земствами не улучшит ничью профессиональную подготовку, зато освободит правительство от ответственности за неудачное назначение. По Разумову, централизация судебного аппарата несет правительству одни убытки: «Прежде всего, назначить Мировых Судей в каждую волость и сделать Суд скорым и доступным не позволяют ни средства, ни наличность достаточных кадров юристов. Придется или делить территорию на слишком большие по площади мировые судебные участки, и фактически лишить население суда, или же назначить на должности Мировых Судей случайных, неизвестных ни Правительству, ни населению и тоже без достаточного образования людей. Последнее может дать совершенно нежелательные ни для идеи суда, ни для престижа Правительства явления, за что ответственность уже будет перед населением нести Правительство»¹⁶.

Разумов негативно относится к принципу коллегиальности в мировом суде, видя в нем тормоз судопроизводства. В случае действия коллегиального начала судья «будет лишен права и возможности быстро решать дела и в каждом отдельном случае будет связан обязанностью собирать коллегия или же разбор дел придется производить в порядке сессий». В связи с этим Разумов находит необходимым пересмотреть деятельность Временного правительства (в лице Керенского, занимавшего тогда пост министра юстиции) в данной сфере. Ведь, как известно, постановление «О временном устройстве местного суда» от 4 мая 1917 г., явно не без оглядки на английский опыт, устанавливало в мировой юстиции коллегиальный принцип.

Таким образом, Указ № 150, закрепивший выборность мировых судей, был разработан в соответствии с планом управляющего ведомством внутренних дел по переходу «низовой» юстиции на самообеспечение, кадровое и финансовое. Этот указ уже не предварялся ссылками на реформы Александра II; принятый сразу после антиправительственного путча он не нуждался в патетическом обосновании. В городах право выбирать мировых судей

делегировалось городским думами, в уездах — уездным земским собраниям. При возникновении проблем с созывом последних в двухмесячный срок, решение принималось земскими волостными собраниями. Требования к кандидату на должность мирового судьи были существенно снижены: при отсутствии аттестата о высшем образовании достаточно было иметь свидетельство о среднем образовании и трехлетней стаж работы «в таких должностях, при исправлении которых [кандидаты в мировые судьи] могли приобрести практические сведения для производства судебных дел». В сельской местности необязательным было даже среднее образование, будущим мировым судьям должно было хватить простого опыта работы в около-судебных должностях или трехлетней стажа в качестве частного поверенного. Избранники утверждались в административном департаменте Судебной палаты.

Видоизменения претерпела и административная юстиция. 23 декабря 1921 г. Временное Приамурское правительство утвердило закон, изменяющий Положение о судах по административным делам от 30 мая 1917 г.¹⁷ В трехзвенной структуре, созданной при Керенском, два нижних звена — административные судьи и Окружные суды — сохранялись. Административные судьи рассматривали дела волостного и поселкового уровней, в сфере деятельности Окружных судов находились претензии к городским, уездным и губернским (областным) органам власти. Функции высшего административного суда при всероссийском Временном правительстве осуществлялись Правительствующим Сенатом, а в Приамурском государственном образовании — Владивостокской Судебной палатой. В ней рассматривались жалобы на те учреждения и должностные лица, компетенция которых выходит за пределы губернского уровня.

Обжалованию отныне не могли подвергаться постановления законодательных и судебных органов, что сильно сужало круг субъектов административного судопроизводства. Исполнительная власть не располагала таким преимуществом, нормотворческая деятельность ее органов и

¹⁶ Там же.

¹⁷ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. № 4. 11 июля. С. 1–2.

функционеров могла ставиться гражданами под сомнение в судебном порядке. Временное Приамурское правительство, сохранявшее относительный контроль над законодательной и судебными ветвями власти, могло позволить себе подобное «умаление» своей инициативы в пользу Народного собрания и судов.

Новый закон оставил за областными и уездными комиссарами их прежние права и обязанности по надзору. Более того, правительственным комиссарам было разрешено самим заявлять протесты в административный суд, на что предоставлялся месячный срок со дня принятия спорного акта или совершения спорного действия. Учреждениям и чиновникам вменялось в обязанность в течение трех дней выдавать необходимые комиссарам постановления и распоряжения. Тот же, что и комиссары, объем прав по обжалованию и истребованию дел получали прокуроры Окружных судов и Судебной палаты.

Закон Временного Приамурского правительства ставил «жалобщика» перед выбором: обжаловать нормативно-правовой акт в ведомственном административном порядке, т.е. направить свою жалобу в несудебную инстанцию, высшую по отношению к той, которая выпустила акт, или же обратиться в административный суд. В первом случае истец лишался права на судебное рассмотрение своей жалобы. Ответчиком в административном судопроизводстве могли выступать лишь те органы власти, которые имели «отдельную самостоятельную сферу компетенций». Жалобы на начальство со стороны подчиненных лиц и учреждений не принимались, кроме тех случаев, когда были затронуты права этих лиц и учреждений. Распоряжения военных и морских ведомств, касающиеся командования армией и флотом, изымались из компетенции административных судов.

После трагических событий «нарсобровского недоворота» (попытки Народного собрания сместить кабинет Меркулова) правительство, в преддверии Земского собора, решило упростить судебный аппарат. С этой целью 16 июня 1922 г. им было принято постановление, упраздняющее ряд должностей¹⁸. Число членов Судеб-

ной палаты сокращалось на два человека, с предписанных штатом от 10 июня 1921 г.¹⁹ шести человек до четырех. Минимизировалась численность товарищей прокурора, секретарей, помощников секретаря, заведующих хозяйством, писцов, канцеляристов и курьеров. Такое же сокращение постигло окружные суды. Упразднены были должности административных судей, а их обязанности передавались участковым мировым судьям. Присутствие административных отделений Окружного суда пополнялось членами гражданского и уголовного отделений. Обязанности доклада по административным делам и «изготовления по ним решений и определений в окончательной форме» возлагалась на товарища председателя административного отделения.

Рост влияния Дальневосточной армии, общая милитаризация жизни в Приморье вели к усилению роли военной фемиды. На ее плечах лежала задача придания юридических форм репрессивным мерам против партизан и хунхузов, а также разрешение конфликтов в рядах войск. Базой для отправления правосудия служили имперские кодификации — 24-я книга (Устав военно-судебный) Свода Военных Постановлений 1869 г. и 18-я книга (Военно-морской судебный устав) Свода Морских Постановлений 1886 г. Рассмотрением этого спектра дел занимался Соединенный Приамурский военный и военно-морской суд, при котором Указом № 35 от 20 июля 1921 г. было открыто Временное Кассационное Присутствие²⁰. Председательствовать во Временном Кассационном присутствии, кроме, собственно, председателя, могли товарищ председателя или один из не участвовавших в первоначальном рассмотрении дела военных судей. Помимо перечисленных лиц в присутствии должны были находиться два члена Владивостокской Судебной палаты, избираемые самой палатой на общем собрании. Правом составления и представления заключений по делам обжалованных прокурор или один из его помощников, уполномоченный на то командующим Дальневосточной армии.

¹⁸ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1922. № 35. 19 июня. С. 2.

¹⁹ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. № 3. 6 июля. С. 3.

²⁰ Вестник Временного Приамурского Правительства. 1921. № 6. 25 июля. С. 2.

Оценивая деятельность Временного Приамурского правительства в области юстиции, надо указать на борьбу двух тенденций. Первая из них связана с возвратом к духу реформ Александра II. Введение на Дальнем Востоке института присяжных заседателей может служить примером удачного переосмысления правым истеблишментом трагического опыта белых диктатур. Это был кратковременный импульс, вызванный воодушевлением уставших от «социалистического рая» слоев приморского населения сразу после переворота 26 мая 1921 г. Но правительство, столкнувшись с необходимостью жестких мер, не могло развернуть полноценную реформу судебной системы. Поэтому почти одновременно с первой, реформаторской, возникла и вторая, охранительская тенденция, одним из проявлений которой стало создание политизированного Временного суда по делам печати. Правительству не удалось синтезировать две эти тенденции в творческом либерально-консервативном ключе.

Вместе с тем суды хотя бы избавились от назойливой партийной опеки, которой досаждала им Земская управа. Недаром Меркулов в его весьма самокритичном докладе на Земском соборе не нашел для приморской юстиции слов осуждения («Правительство заботилось о чистке от тех извращений, какие были введены за время революции. На суд не ока-

зывалось никакого давления»²¹). Пожалуй, в отечественной истории это не единственный пример того, как благие намерения (а отказать в них Приамурскому правительству действительно нельзя) не смогли воплотиться в жизнь из-за неблагоприятной обстановки и катастрофической нехватки времени для реформ.

Литература

1. Гамерман Е.В. Судебная реформа на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX вв. // Вестник ДВО РАН. 2006. № 5. С. 157.
2. Дудко Н.А. Поэтапное введение суда присяжных в Российской империи по судебной реформе 1864 г. // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 12. С. 2836.
3. Пашкевич Л.В. Особенности введения мировой юстиции в Сибири и на Дальнем Востоке России // Мировая юстиция в России. Создание, деятельность, историческая миссия: монография / под ред. А.Д. Поповой, С.В. Лонской. М., 2016. С. 232–233.
4. Руднев С.П. При вечерних огнях. Воспоминания. Харбин, 1928. С. 405.
5. Сонин В.В. Приамурское буржуазное государственное образование («черный буфер») и крах политики и практики контрреволюции в Приморье. Владивосток, 1974. С. 30.
6. Хвалин А. Восстановление монархии в России. Приамурский Земской Собор 1922 года (материалы и документы). М., 1993. С. 120.

²¹ Хвалин А. Восстановление монархии в России. Приамурский Земской Собор 1922 года (материалы и документы). М., 1993. С. 120.

Проекты судебных преобразований в воззрениях государственных деятелей XIX века

*Страхов Сергей Евгеньевич,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина,
аспирант кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина
strakhov@inbox.ru*

В статье автором рассмотрены основные проекты судебных преобразований, предлагаемые вниманию верховной власти видными государственными деятелями XIX века. Рассмотрены проекты А.А. Безбородко, В.П. Кочубея, М.А. Балугьянского, Д.Н. Блудова, а также — проекты декабристов.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., проекты судебной реформы, А.А. Безбородко, М.А. Балугьянский, Д.Н. Блудов, В.П. Кочубей.

Projects of Judicial Reforms in the Views of Public Officials of the XIX Century

*Strakhov Sergey E.,
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the North-West Institute (Branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Postgraduate Student of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

In the article the author describes the main projects of the judicial reforms, the attention of the supreme authority of prominent public figures of the XIX century. Having considered the project of A. Bezborodko, V. Kochubey, M. Balug'ianskii, D. Bludov and Decembrists.

Key words: judicial reform of 1864, projects of judicial reform, A. Bezborodko, M. Balug'ianskii, D. Bludov, V. Kochubey.

К началу XIX века в российском государстве остро стоял вопрос реформирования судебных учреждений, поскольку действующая судебная система, закрепленная еще во времена Екатерины II «Учреждениями для управления губерний Всероссийской Империи», перестала отвечать современным вызовам.

Несмотря на назревшую необходимость глобальных перемен в судебной системе, разработка и реализация проектов ее реформирования заинтересовали высшую власть далеко не сразу.

Первым из таких проектов можно назвать проект князя А.А. Безбородко¹, опубликованный в 1799 году (по другим данным — в 1797 году) и представлявший собой не детальную схему судебных преобразований, а лишь некоторые его размышления об этом вопросе.

Так, в частности, А.А. Безбородко, оставляя высшую судебную власть прерогативой

Правительствующего Сената, предлагал создать на общероссийском уровне Высший советный суд «для вершения дел, кои по течению обстоятельств выходят из общаго положения, и где уважение по человечеству требует смягчения законов», действующий в составе высшего советного судьи и шести депутатов — по два от дворян, мещан и крестьян.

Также проектом А.А. Безбородко предполагалось создание Генерального уголовного суда, в котором «...судятся те дела и особы, кои не входят в суды губернские». В состав такого суда должны входить президент (чиновник второго класса, действительный тайный советник или вице-канцлер), две особы четвертого или пятого класса (статский советник или действительный статский советник) и, видимо, по аналогии с Высшим советным судом, по два депутата от крестьян, мещан и дворян².

¹ См.: Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко. Т. 1–2. СПб., 1879–1881.

² Безбородко А.А. Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив. 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 297–300.

Отметим, что соображения А.А. Безбородко касались только высших судов общероссийского уровня и не затрагивали суды губернского и уездного уровней, поскольку на губернском уровне масштабные изменения (ликвидация сословных губернских судебных учреждений) произошли слишком недавно (в 1796 г.) относительно времени составления проекта (в 1799 г.), а сословные уездные судебные учреждения автор проекта полагал сформированными удачным образом.

Следующий шаг к судебной реформе был сделан в 1814 году, когда граф В.П. Кочубей (племянник упомянутого нами выше А.А. Безбородко) представил императору записку, в которой полагал необходимым создать институт «мирных судей», которые бы рассматривали и разрешали дела, руководствуясь «совестью и здравым смыслом»³.

Говоря о проектах судебной реформы, нельзя также не остановиться на мнениях декабристов. Так, П.М. Каховский говорил о необходимости создания судов совести, П.А. Бестужев указывал, что судебная реформа должна быть построена на основах установления точного круга окончательных судов с отменой апелляции, избирательности судей для каждого конкретного дела, сокращения сроков судопроизводства и установления его гласности. Г.С. Батенков, в целом соглашаясь с П.А. Бестужевым, указывал также на необходимость введения суда присяжных, как и П.И. Пестель, предлагавший, помимо этого, упразднение специальных судов и введение гарантий, позволяющих избежать незаконных обысков и арестов⁴.

Нельзя также не упомянуть о проектах М. А. Балугьянского⁵, который инкогнито подал Николаю I две записки, первая из которых («Рассуждения неизвестного об основной системе управления») касалась общих рассуждений о природе государственной власти в России и обосновывала необходимость реформ, а вторая («Черты

судебного устройства») достаточно подробно описывала проект реформирования судебных учреждений, предполагая создание двухуровневой судебной системы (уездные и губернские суды) и Сената в качестве исключительной кассационной инстанции, по образцу кассационных полномочий французского сената⁶.

Обе эти записки попали на рассмотрение «Комитета 6 декабря», который был создан для разбора бумаг Александра I и рассмотрения вопроса о возможности преобразования в системе государственного управления, и возглавлялся людьми, нечуждыми судебным преобразованиям, — В.П. Кочубеем и М.М. Сперанским.

В отношении «Рассуждений неизвестного об основной системе управления» комитет указал, что они содержат «общие мечтательные предположения и постановил оставить их «без уважения». Что же касается «Черта судебного устройства», идеи о дополнительных кассационных полномочиях Сената приняты не были, поскольку комитет посчитал российские условия «для того не соответственными», а вот положения о судах первой и второй инстанции были приняты к сведению и на их основе, а также с учетом мнений самих В.П. Кочубея и в особенности М.М. Сперанского. Комитет предложил соединить на губернском уровне гражданские и уголовные суды в один губернский суд, в котором было бы два департамента (гражданский и уголовный) и которые по мере необходимости могли бы составлять «общие присутствия». В каждом из департаментов находился председатель, назначаемый правительством, 2 советника, 2 ассессора и 4 заседателя от дворянства и купечества. Уездный суд, по мнению комитета, должен был состоять из председателя и четырех заседателей⁷.

Следующим значимым проектом судебных преобразований, безусловно, следует назвать проект графа Д.Н. Блудова⁸. По мнению некоторых современников,

³ Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года // Судебная реформа / под. ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского. М., 1915. С. 263–264.

⁴ Там же. С. 266–267.

⁵ Тебиев Б.К. Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 139–145.

⁶ Коркунов Н.М. М.А. Балугьянский: Проект судебного устройства 1828 года // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Типография Правительствующего Сената. 1895. № 7, № 8. С. 47–54.

⁷ Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года. С. 270.

⁸ См.: Лонгинов М.Н. Покойный граф Д.Н. Блудов. М., 1864; Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его

именно с Д.Н. Блудова начинается история судебной реформы, так как именно ко времени начала деятельности Д.Н. Блудова (середина сороковых годов девятнадцатого века) относятся «зачатки судебной реформы»⁹.

Д.Н. Блудов, занимавший в то время пост главноуправителя II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, дважды представлял монархам свои соображения относительно переустройства судебной части в империи.

Впервые свою записку об этом он подал Николаю I в 1844 году. В ней излагались идеи реформирования, по большей части, процессуального законодательства. Основной мыслью записки было указание на необходимость коренных, а не частных изменений в судопроизводстве. Так, Д.Н. Блудов указывал следующее: «...Дабы исправить надлежащим, удовлетворительным образом наши узаконения о производстве дел... не довольно усовершенствования той или другой из сторон оно. Надобно стараться устранить причины зла, то есть беспорядков в самом их корне, а для сего необходимо принять другую, совершенно отличную от настоящей систему...»¹⁰. Именно мысль о необходимости коренных изменений дала основание Г.А. Джаншиеву назвать Д.Н. Блудова «зачинателем радикального направления судебной реформы»¹¹.

Однако при всей прогрессивной направленности идей Д.Н. Блудова в них присутствовала и некоторая ограниченность. Так, Д.Н. Блудов не видел необходимости во введении суда присяжных, гласности и открытости судопроизводства. Но идеям Д.Н. Блудова воспротивился министр юстиции В.Н. Панин, бывший сторонником «старого» судопроизводства. Именно поэтому проект Д.Н. Блудова не был реализован в 1844 году, хотя встретил одобрение Николая I и будущего наследника престола — Александра¹².

Новую жизнь идеи Д.Н. Блудова получили в 1857 году, когда его записка, повторяющая содержание поданной в 1844 году Николаю I, была вместе с проектом Устава гражданского судопроизводства передана в Государственный Совет по повелению Александра II.

Кроме этого, в 1859 году Д.Н. Блудовым на высочайшее рассмотрение был представлен проект нового судоустройства.

Указанный проект предполагал слияние палат уголовного и гражданского суда на губернском уровне в единый губернский суд (в составе не менее чем пяти судей) при сохранении уездных судов как единственного судебного органа на низшем уровне (в составе не менее чем трех судей). Органом, обладающим высшей судебной властью, вполне ожидаемо объявлялся Сенат.

Кроме того, проектом было предусмотрено введение особых судей, разбирающих мелкие гражданские и уголовные дела в ускоренном, «словесном», порядке. Необходимость введения такого института Д.Н. Блудов видел в связи с предстоящим освобождением крестьян, дела которых раньше разрешались помещиками, а теперь будут рассматриваться в судах¹³.

Д.Н. Блудов признавал необходимым надзор министерства юстиции за деятельностью судов, для чего вводил в состав каждого суда специального чиновника, «обязанного наблюдать за всем происходящим в суде и доносить министру юстиции о всяких отступлениях от установленного порядка, как суда в общем, так и отдельных членов и чиновников его»¹⁴.

Интересно отметить, что хотя сам Д.Н. Блудов и не употреблял термина «мировой суд», этот термин в качестве синонима для категории особых судей, разбирающих мелкие гражданские и уголовные дела, употребляют некоторые исследователи, описывающие указанный проект¹⁵.

Еще одной новой для российской действительности идеей Д.Н. Блудова была идея о профессионализме судейского корпуса. Предполагалось, что замещать судебные должности смогут лишь лица, обладающие юридическим образованием.

время. Царствование императора Александра I. СПб., 1866. 267 с.

⁹ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 37.

¹⁰ Записка Д.Н. Блудова. Цит. по: Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 2. С. 14.

¹¹ Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 2. С. 39

¹² Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года. С. 278.

¹³ Записка Д.Н. Блудова. Цит. по: Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ. Т. 2. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 19

¹⁵ Там же. С. 20

Уровень материального вознаграждения судей и судебных чиновников предлагалось повысить.

Как мы видим, проект судеоустройства графа Д.Н. Блудова не отличается особой оригинальностью, поскольку представляет собой лишь синтез идей М.А. Балугьянского, высказанных в «Чертах судебного устройства» и развитых «Комитетом 16 декабря», а также идей В.П. Кочубея о «мирных судьях» и М.М. Сперанского о волостных судах. Относительно оригинальной следует признать лишь идею о форме контроля судов Министерством юстиции через специально уполномоченного чиновника и идею о введении обязательного профильного образовательного ценза для судей и судебных чиновников.

В дальнейшем Д.Н. Блудов в деятельности по реформированию судеоустройства и судеопроизводства постепенно отходит на второй план, а подготовка к судебной реформе постепенно сосредотачивается в руках С.И. Зарудного¹⁶, деятельность которого можно считать завершающей частью подготовительного этапа судебной реформы.

С.И. Зарудный, хоть и был по образованию кандидатом технических наук, поступил на службу в Министерство юстиции и живо заинтересовался юриспруденцией в целом и преобразованием судебных установлений в частности. Совершенствуясь в этом направлении, он быстро строил свою карьеру и к началу 1860-х годов был исправляющим обязанности статс-секретаря Государственного совета по департаменту законов. По предложению государственного секретаря В.П. Буткова в 1861 году он написал для него доклад о состоянии судебной реформы.

Высочайшим повелением от 23 октября 1861 года доклад был одобрен и соединенным департаментам законов и гражданских дел Государственного Совета предписано было составить подробную записку «обо всем, что может быть признано относящимся к главным, основным началам предположений для устройства судебной части в Империи». Эту записку надлежало представить на утверждение общему собранию Государственного Совета, а затем — на ве-

¹⁶ См.: Джаншиев Г.А. С.И. Зарудный и судебная реформа. М., 1889.

личайшее благоусмотрение Его Императорского Величества». Непосредственным составлением Записки должна была заняться Государственная канцелярия.

Прежде чем приступить к непосредственной разработке новых законоположений, Государственная канцелярия сочла необходимым составить обзор в историческом порядке всего хода работ по составлению проектов о судеопроизводстве и судеоустройстве, для чего была составлена Записка государственной канцелярии об основных началах судеоустройства и судеопроизводства гражданского и уголовного¹⁷.

Основным документом, отражающим работы Государственной канцелярии по составлению проектов судебной реформы, стали «Соображения государственной канцелярии»¹⁸, заключающие в себе основные положения судебной реформы, касающиеся гражданского и уголовного судеопроизводства, судеоустройства и переходных мер к новым судебным порядкам.

Указанные соображения по повелению императора были представлены на рассмотрение в соединенные департаменты законов и гражданских дел Государственного Совета, где, после долгих обсуждений и нескольких доработок, были в целом одобрены, после чего попали на рассмотрение уже в общее собрание Государственного Совета, после чего были представлены императору.

Александр II, рассмотрев представленные ему проекты, вынес окончательную резолюцию: «Вменяю в обязанность государственному секретарю, чтобы все уставы были окончательно изготовлены к 15 января 1863 года, для сообщения их II отделению собственной моей канцелярии и ми-

¹⁷ Записка Государственной канцелярии об основных началах судеоустройства и судеопроизводства гражданского и уголовного. Б/и. 1862. 163 с. URL: <http://library6.com/books/gk01.pdf> (дата обращения: 19.01.2016).

¹⁸ Соображения государственной Канцелярии об основных началах гражданского судеопроизводства по проекту, составленному II отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и рассмотренному Соединенными Департаментами Законов и Гражданским Государственного Совета и по замечаниям, доставленным на этот проект. Б/и. 1862. 311 с. URL: <http://library6.com/books/gk02.pdf> (дата обращения: 19.01.2016).

нистру юстиции»¹⁹, а 29 сентября 1862 года утвердил «Соображения»²⁰, предписав следующее: «Утверждаю с тем, чтобы положения сии были опубликованы в том порядке, как постановил государственный совет»²¹.

Для разработки судебных уставов была учреждена комиссия под председательством В.П. Буткова, в которую входили 34 человека, среди них был и С.И. Зарудный. Причем было признано необходимым ввести в состав комиссии не только тех, кто ранее работал над судебной реформой в Государственной канцелярии, но и других лиц, которые своим опытом могли принести пользу комиссии.

Для наилучшей организации процесса составления Уставов комиссия была разделена на 3 отделения: отделение судостроительства под председательством А.М. Плавского²²; отделение уголовного судопроизводства, возглавляемое Н.А. Буцковским²³; и отделение гражданского судопроизводства, в котором председательствовал С.И. Зарудный.

В результате работы были составлены четыре Устава, определившие нормативную составляющую судебной реформы: Учреждение судебных установлений, Устав уголовного судопроизводства, Устав гражданского судопроизводства и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. 20 ноября 1864 года последовал высочайший указ об утверждении Судебных уставов²⁴, после чего начался долгий и труд-

ный процесс реализации одной из самых заметных реформ Александра II.

Литература

1. Безбородко А.А. Записка князя Безбородко о потребностях империи Российской // Русский архив, 1877. Кн. 1. Вып. 3. С. 297–300.
2. Высочайше утвержденные положения преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 года // ПСЗРИ С. II Т. XXXVII № 38761.
3. Григорович Н. Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко. Т. 1-2. СПб., 1879–1881.
4. Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 37, 39.
5. Джаншиев Г.А. С.И. Зарудный и судебная реформа. М., 1889.
6. Джаншиев Г.А. Н. А. Буцковский и суд присяжных. // Вестник Европы. 1889. кн. 12. С. 476–507
7. Записка Д.Н. Блудова. Цит. по: Джаншиев Г.А. Эпоха великих реформ: в 2 т. М., 2008. Т. 2. С. 14.
8. Записка Государственной канцелярии об основных началах судопроизводства гражданского и уголовного. Б/и. 1862. 163 с. URL: <http://library6.com/books/gk01.pdf> (дата обращения: 19.01.2016).
9. Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время. Царствование императора Александра I. СПб., 1866. 267 с.
10. Коркунов Н.М. М.А. Балугьянский: Проект судебного устройства 1828 года // Журнал Министерства юстиции. СПб.: Типография Правительствующего Сената. 1895. № 7, № 8. С. 47–54.
11. Леонидов. М. Плавский, Александр Михайлович // Русский биографический словарь: в 25-ти т. / под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. СПб., 1905. Т. 14: Плавильщиков — Примо. С. 7–9.
12. Лонгинов М.Н. Покойный граф Д.Н. Блудов. М., 1864.
13. Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года // Судебная реформа / под ред. Н.В. Давыдова и Н.Н. Полянского М., 1915. С. 263–264.
14. Соображения государственной Канцелярии об основных началах гражданского судопроизводства по проекту, составленному II отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и рассмотренному Соединенными Департаментами Законов и Гражданским Государственного Совета и по замечаниям доставленным на этот проект. Б/и. 1862. 311 с. URL: <http://library6.com/books/gk02.pdf> (дата обращения: 19.01.2016).
15. Тебиев Б.К. Первый ректор Петербургского университета // Высшее образование в России. 2004. № 11. С. 139–145.
16. Указ «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ С. II Т. XXIX № 41473.

¹⁹ Цит. по: Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года. С. 336–337

²⁰ Высочайше утвержденные положения преобразования судебной части в России от 29 сентября 1862 года // ПСЗРИ С. II Т. XXXVII № 38761.

²¹ Цит. по: Плетнев В. Работы по составлению проектов судебного преобразования до 1861 года. С. 337.

²² Леонидов. М. Плавский, Александр Михайлович // Русский биографический словарь: в 25-ти т. / под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. СПб., 1905. Т. 14: Плавильщиков — Примо. С. 7–9.

²³ Джаншиев Г.А. Н.А. Буцковский и суд присяжных // Вестник Европы. 1889. Кн. 12. С. 476–507.

²⁴ Указ «Об учреждении судебных установлений и о Судебных Уставах» от 20 ноября 1864 г. // ПСЗРИ С. II Т. XXIX № 41473.

Страница военного правосудия: судьба и трагедия полковника М.Г. Кириллова

*Комаров Дмитрий Евгеньевич,
заместитель директора филиала
Московского государственного университета технологий и управления
имени К.Г. Разумовского в г. Вязьме,
доктор исторических наук, профессор
buffel1943@mail.ru*

В статье на примере следствия 1942 г. в отношении полковника Кириллова рассматривается деятельность советской судебно-правовой системы в сложных условиях Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные трибуналы, 38-я стрелковая дивизия, полковник М.Г. Кириллов.

Chapter of Military Justice: Fate and Tragedy of Colonel M.G. Kirillov

*Komarov Dmitry E.,
Deputy Head of Vязьма Branch
of the K.G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management,
Doctor of History, Professor*

In the article the activities of the Soviet legal system under critical conditions of the Great Patriotic War are reviewed on the example of the investigation against Colonel Kirillov in 1942.

Key words: Great Patriotic War, military tribunals, 38th rifle division, Colonel M.G. Kirillov.

В годы Великой Отечественной войны правовая система явилась важнейшим инструментом в перестройке страны на военный лад, мобилизации всех сил на борьбу с врагом. Насущной необходимостью в годы войны стала выработка эффективного правового механизма борьбы с опаснейшими явлениями — паникерством, дезертирством, сдачей в плен и откровенным предательством. В представленной статье предпринята попытка детализации действий «законов военного времени» на примере конкретного человека — полковника Максима Гавриловича Кириллова, командира 38-й стрелковой дивизии Западного фронта.

В октябре 1941 г. в числе тысяч советских бойцов и командиров Максим Гаврилович оказался в окружении под Вязьмой, но не сложил оружия и возглавил партизанский отряд «Смерть фашизму». Однако в марте 1942 г. он был вызван на «большую землю», арестован и, обвиненный в измене Родине, расстрелян. Не вдаваясь в детали вопроса, у любого человека возникнет горькое чувство несправедливости — комдив оказался в окружении, не сложил оружия, продолжил борьбу с врагом в составе

партизанского отряда и так несправедливо был осужден. Попытаемся разобраться в этом одном из многих эпизодов военной действительности, тем более что данная тема довольно активно обсуждается в печати и сети Интернет¹.

В 1991 г. дело полковника было пересмотрено, доказано, что в отношении него было допущено нарушение законности, а сам Кириллов — реабилитирован.

Опираясь на данные следственного дела полковника Кириллова, хранящегося в архивном отделе УФСБ России по Смоленской области², попытаемся ответить на вопрос: «В чем же конкретно обвинялся полковник Кириллов?»

Как показывают материалы, следствие с первых же дней стремилось подвести дока-

¹ См.: Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра, 2006; Партийная непорочность. Реквием 38-й сд. URL: <http://отечество.рф/sprav/001/004.htm>; Цырендоржиев И. Восстанавливая справедливость // Красная звезда. 2012. 15 мая; Щербаков В., Афанасенко В. Реквием по СД-38. Ростов н/Д., 2000.

² Архивный отдел Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АОУФСБСО). Д. 25111с.

зательную базу под 58-ю статью 1б (в обычном обиходе — «измена Родине»). Приведем содержание этой статьи в редакции УК РСФСР 1926 г., действовавшего в годы войны. Она гласит: «...58. 1а. Измена Родине, т.е. действия, совершенные гражданами Союза ССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества.

58. 1б. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества...»³.

В отношении полковника Кириллова было выдвинуто обвинение по шести пунктам, каждый из которых мы постараемся рассмотреть, исходя из реалий того времени.

Первое обвинение касалось «неспособности сохранить дивизию и виновности в ее разгроме». Следователями были изучены действия комдива в период Вяземской оборонительной операции. В определенной степени это обвинение могло быть предъявлено к большинству командиров уровня дивизии-армии-фронта, оказавшихся в критической ситуации в октябре 1941 г. в районе западнее Вязьмы. Управление теряли не только комдивы и комбриги, но и командармы и командующие фронтами⁴.

Фактов невыполнения полковником Кирилловым приказов вышестоящего начальства выявлено не было. Маршрут движения его дивизии на Восток соблюдался, кроме того, он подчинял себе отбившиеся и «потерянные части и подразделения», спланировал и осуществил несколько попыток прорыва из окружения, к сожалению, оказавшихся неудачными. Как видим, это направление следствия не имело под собой

³ Уголовный кодекс РСФСР, в ред. 1926 г. М., 1956. С. 55.

⁴ Лопуховский Л.Н. 1941. Вяземская катастрофа / 2-е изд., перераб. и испр. М.: Яуза; Эксмо, 2008. С. 256, 325–326; Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015. С. 90–91.

доказательной основы, но в тексте обвинительного заключения оно присутствовало.

Серьезным обвинением в адрес Кириллова стало обвинение его в «бездействии», когда он находился во вражеском тылу в течение четырех месяцев. Только в январе 1942 г., с началом нашего наступления, Кириллов приступил к формированию партизанского отряда и возглавил его. К марту 1942 г. отряд «Смерть фашизму» стал представлять собой внушительную силу, организованную по военному образцу и насчитывавшую 1 363 бойца⁵. До этого момента он проживал в различных деревнях Семлевского района.

Действительно, старший офицер в критической для страны ситуации, находившись во вражеском тылу, где имелись советско-партийные подпольные органы, значительное число солдат-окруженцев, проживавших в крестьянских домах на правах «зятьков», не вел борьбу с врагом. Данный факт бездействия во вражеском тылу полковник признал.

Следствие, в отличие от печально известных 1937–1938 гг., собрало достаточно обширную доказательную базу предъявленного обвинения. В том числе был сделан запрос и за линию фронта. Опрошенные лица дали негативную оценку Кириллову как организатору и командиру партизанского отряда. В частности, первый секретарь Семлевского райкома ВКП(б) М. Лукьянов подтвердил, что Кириллов от неоднократных предложений возглавить партизанское движение на территории района отказывался⁶.

В продолжение предыдущего Кириллову было выдвинуто и обвинение в неумелом руководстве отрядом, «бездеятельности и пьянстве».

Достаточно «специфическими» и «темными», на наш взгляд, были следующие два обвинения, выдвинутые против полковника.

Кириллова обвинили в контакте с изменниками Родины. В период с ноября 1941 г. по январь 1942 г. он у своих знакомых в Семлевском и Знаменском районах, отдельные из них контактировали с

⁵ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 8. Оп. 1. Д. 285. Л. 26.

⁶ АОУФСБСО. Д. 25111с. Л. 126.

захватчиками и даже пошли на службу к оккупантам. Кроме того, при задержании у Максима Гавриловича было обнаружено 80 немецких марок, природу появления которых он не смог объяснить. Одновременно с этим все время до 8 марта 1942 г. рядом с полковником Кирилловым находилась санинструктор Орлова. Молодая девушка, до войны проживавшая в Смоленске, искренне и преданно любила полковника (отмечу, что это именно она спустя десятилетия добьется его реабилитации), но одновременно с этим она являлась дочерью врагов народа, репрессированных в предвоенный период. Для советской судебной системы сожительство старшего офицера с членом семьи врагов народа было вполне достаточным для вынесения сурового приговора.

В конечном итоге перечисленные выше обвинения легли в основу следующего обвинительного заключения: «Во время боевых действий Кириллов бросил руководство соединением, несколько суток скрывался вместе с Орловой в блиндаже, а затем сдался в плен немцам. При этом Кириллов был вооружен, однако никакого сопротивления не оказал. После пленения находился вместе с Орловой в немецком госпитале, откуда беспрепятственно ушел и в течение 3,5 месяцев проживал на оккупированной территории. Вступив по настоянию РК ВКП(б) в командование партизанской группой, бездействовал, пьянствовал, запрещал Орловой оказывать медицинскую помощь раненым и больным партизанам. В феврале 1942 г. группа под командованием Кириллова провела неудачную операцию против немцев, при этом потери среди партизан составили около 120 человек»⁷. Суд счел приведенные доказательства достаточными для квалификации дела по статье 58.16 УК РСФСР. Кириллов был приговорен к расстрелу, конфискации имущества и лишению званий и наград.

В деле полковника Кириллова огромную роль сыграла санинструктор Орлова, по решению суда осужденная на пять лет. Дождавшись изменения политического курса в нашей стране, в 1989 г. она написала письмо на имя Председателя Верховного Суда СССР. В письме содержалась просьба пе-

ресмотреть дело в отношении Кириллова, а также отмечалось, что «никаких личных отношений с фашистами у него не было, никогда он не изменял и не предавал свою Родину»⁸. В ноябре 1989 г. в отношении М.Г. Кириллова было возбуждено производство по «вновь открывшимся обстоятельствам». Были изучены различные материалы и опрошены свидетели. По результатам следствия было выявлено, что обвинение Кириллова в измене Родины «является явно надуманным и противоречащим фактическим обстоятельствам дела»⁹.

В результате повторного рассмотрения дела Главная Военная прокуратура сняла с Кириллова обвинение в измене Родине. На основании этого решения 19 июля 1991 г. полковник Максим Гаврилович Кириллов был посмертно реабилитирован.

Таким образом, обвинения в измене Родине были сняты. Справка о реабилитации вроде бы все ставит на свои места. Однако, на наш взгляд, необходимо ответить на другой важный вопрос — действительно ли имелись серьезные основания для обвинения комдива и применения к нему такой суровой кары.

Попытаемся восстановить хронологию событий.

2 октября 1941 г. в ходе начала операции «Тайфун» противник нанес удар севернее и южнее трассы Минск — Москва, прорвал нашу оборону и, захватив Вязму, окружил основные силы Западного и резервного фронтов. 38-я стрелковая дивизия начала отход по Старой смоленской дороге.

9 октября полковник Кириллов получил приказ из района восточнее Семлева прорываться на восток. Однако осуществить прорыв не удалось, на следующий день противник силами 10 танков нанес удар по командному пункту дивизии и уничтожил его. Силы дивизии были рассеяны и рассеяны¹⁰.

11–12 октября 1941 г. Кириллов собрал вокруг себя 4–5 батальонов пехоты и полк корпусной артиллерии. Было принято решение прорываться в направлении деревни Стогово, но сильный огонь противника «за-

⁸ См: Звягинцев В.Е. Указ. соч. С. 186.

⁹ Там же. С. 187.

¹⁰ АОУФСБСО. Д. 25111с. Л. 24.

⁷ АОУФСБСО. Д. 25111с.

ставил рассредоточиться, и связь с частями была потеряна»¹¹.

К утру 13 октября Кириллов с группой 50–70 человек достиг леса у д. Мишенка. Собрав 2 роты, Кириллов организовал оборону леса. В ходе боев полковник был ранен в руку. В условиях полного окружения Кириллов принимает решение разбиться на отдельные группы и пытаться пробиться к своим. Кириллов со своей группой «скитался 2–3 дня», а 15 октября группа была обнаружена противником и рассеяна. Кириллов остался один с медсестрой Орловой. Почти три недели они скрывались в блиндаже.

9 ноября 1941 г. блиндаж был обнаружен немцами. Трое немецких солдат подошли к блиндажу и приказали выйти. Ни Кириллов, ни Орлова сопротивления немцам не оказали.

Пленных немцы отправили в поселок Кайдаково (10 км от Вязьмы) в госпиталь военнопленных. Пробыв в госпитале три дня, Кириллов и Орлова, пользуясь отсутствием охраны, бежали. Они направились в Семлевский район.

Затем они с Орловой проживали в различных деревнях, в том числе и у людей, которые стали пособниками оккупантов. Кириллов встречался с патриотическими группами и организаторами партизанского движения в Семлевском районе, но активных действий по расширению партизанского движения не предпринимал.

В январе 1942 г., когда на территории района стали десантироваться части регулярной Красной Армии, в ходе Ржевско-Вяземской наступательной операции он стал командиром сформированного партизанского отряда «Смерть фашизму».

Со слов Кириллова, отряд к марту 1942 г. насчитывал более тысячи бойцов и имел артиллерию. Отряд осуществил несколько операций. 1 марта на самолете У-2 прилетел майор Жабо с приказом командующего Западным фронтом сдать командование майору Жабо и явиться в штаб фронта вместе с Орловой, что и было выполнено. 8 марта, по прибытии в штаб фронта, Максима Гавриловича арестовали сотрудники НКГБ. Арестовали и Ольгу Петровну Орлову.

Выше мы цитировали содержание статьи 58.16 и можем утверждать, что дей-

ствия полковника Кириллова в период с октября 1941 г. по март 1942 г., согласно букве закона, не находят там своего прямого отражения. Факт надуманности обвинения по 58-й статье был подтвержден и повторным расследованием, но это отнюдь не означает, что отдельные поступки и действия Кириллова не караются по другим, действующим на тот момент жестким правовым нормам.

Многие перечисленные выше обвинения, особенно в условиях нехватки старших офицерских кадров и критической ситуации на фронтах, можно было в какой-либо мере объяснить и отчасти «оправдать», ограничиться разжалованием полковника и отправкой его на фронт. Однако был еще факт, который, на наш взгляд, и предопределил судьбу комдива.

Самым тяжким эпизодом в общем списке обвинений, предьявленных Кириллову, являлся факт сдачи в плен 9 ноября 1941 г. И Кириллов, и Орлова на допросе подтвердили, что в момент их пленения в блиндаже 9 ноября 1941 г. у полковника Кириллова был автомат, пистолет «ТТ» и немецкий пистолет, но он сопротивления немцам не оказал. Суд имел все основания квалифицировать данный факт как «добровольную сдачу в плен при наличии оружия и возможности оказывать сопротивление». Напомним, что Кириллов был ранен, но вероятнее всего его ранение не было тяжелым, он был в сознании, самостоятельно добрался до госпиталя в Кайдаково и, спустя три дня, самостоятельно бежал из него.

Сдача в плен является одним из тяжелейших преступлений советского правосудия. В уголовный кодекс РСФСР 1926 г., в ст. 193 п. 22 отмечалось: «Самовольное оставление поля сражения во время боя, сдача в плен, не вызывавшаяся боевой обстановкой, или отказ во время боя действовать оружием, а равно переход на сторону неприятеля, влекут за собой высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества». Данная правовая норма была дополнена приказом Ставки от 16 июля 1941 г. за № 270, в котором четко отмечалось:

«...Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

¹¹ Там же. Л. 24 об.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности...»¹².

Имея детальное описание действий комдива, мы имеем и «факт сдачи в плен», и отказ в условиях окружения «сражаться до последней возможности». Суд имел все основания вынести Кириллову самое суровое наказание. Одновременно с этим можно констатировать, что решение, принятое судом в отношении Максима Гавриловича, по форме неправомерно (в части обвинения в измене Родине), но по своей сути основания для вынесения столь сурового приговора имелись. В дополнение ко всему факт сдачи в плен дополнялся другими тяжелыми обвинениями, указанными выше.

Судьба полковника Кириллова представляет собой не только человеческую трагедию, постигшую преданного стране и народу профессионального военного, но и бескомпромиссность и жесткость советской судебной-карательной системы, которая так же, как и все, вела борьбу с врагом и приближала нашу Победу. Дело и решение суда в отношении М.Г. Кириллова — это результат действий советской правоохранительной системы в борьбе с опаснейшими для Красной Армии и всей страны явлениями, такими как сдача в плен, уклонение от борьбы с противником и пр.

Рассматривая трагическую судьбу полковника Кириллова, уместна постановка вопроса: был ли этот случай единичным, или он являлся типичным для периода 1941–1945 гг.?

Всем известным является факт расправы с командованием Западным фронтом летом 1941 г. Внесудебные решения о расстреле представителей советского генералитета и государственных деятелей в октябре 1941 г. и феврале 1942 г. Если взять имеющуюся информацию о генералах РККА за 1941 г. (июнь-декабрь), то по имеющимся данным погибло в ходе боевых действий 48 человек, а 27 генералов было репрессировано¹³.

¹² Военно-исторический журнал. 1988. № 9. С. 26–28.

¹³ Печенкин А.А. Отдали жизнь за Родину. О потерях советских генералов и адмиралов в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. № 5. 2005. С. 40

Одновременно с этим имеется достаточное число свидетельств о прекращении судебных преследований в отношении многих старших командиров¹⁴.

Приведенная выше информация показывает, что единой практики в рассмотрении дел Военными трибуналами в годы войны не было. Необходимо детально и скрупулезно изучать каждый конкретный случай отдельно. Само дело полковника Кириллова является отнюдь не уникальным. Однако в нем видны общие изменения, отмечаемые многими историками в работе советской судебной-карательной системы в период Великой Отечественной войны. Налицо упор следствия на логику доказательств, а не только на выбивании признаний, считавшихся в 1937–1938 гг. «вершинной правосудия». Напомним, что несмотря ни на что свою вину Максим Гаврилович так и не признал. Примечательным является и факт продолжительного ведения дела, практически 5 месяцев с привлечением многих свидетелей, в том числе и тех, которые находились за линией фронта во вражеском тылу, военных экспертов. Однако, наряду с этим, остались и прежние, имевшие место и в до, и послевоенной практике методы, такие как: стремление придать делу «контрреволюционную» окраску (измена Родине), психологическое давление, применение физического насилия и пыток.

14 июля 1942 г. полковнику Кириллову Максиму Гавриловичу был вынесен приговор — высшая мера социальной защиты (расстрел). Приговор был приведен в исполнение 5 сентября 1942 г. Заслуживает внимания последняя фраза, произнесенная полковником М.Г. Кирилловым после вынесения приговора: «Врагом Родины не был и не буду. Хочу честно погибнуть за Родину и прошу направить меня на фронт»¹⁵. Однако такого права Родина, в лице военного трибунала, ему не предоставила.

Литература

1. Архивный отдел Управления Федеральной службы безопасности по Смоленской области (АОУФСБСО). Д. 25111с.
2. Военно-исторический журнал. 1988. № 9.
3. Звягинцев В.Е. Война на весах Фемиды: война 1941–1945 гг. в материалах следственно-судебных дел. М.: Терра, 2006.

¹⁴ См: Звягинцев Н.Е. Указ. соч. С. 184, 185.

¹⁵ АОУФСБСО. Д. 25111с. Л. 161.

4. Комаров Д.Е. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск, 2015.
5. Лопуховский Л.Н. 1941. Вяземская катастрофа / 2-е изд., перераб. и испр. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
6. Партийная непорочность. Реквием 38-й сд. URL: <http://отечестворт.рф/sprav/001/004.htm> (дата обращения: 28.07.2016).
7. Печенкин А.А. Отдали жизнь за Родину. О потерях советских генералов и адмиралов в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2005. № 5. С. 40.
8. Цырендоржиев И. Восстанавливая справедливость // Красная звезда. 2012. 15 мая.
9. Щербаков В., Афанасенко В. Реквием по СД-38. Ростов н/Д., 2000.

Медиация в обычном праве донских казаков в контексте ее современного развития*

*Козюк Михаил Николаевич,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
кандидат юридических наук, доцент
tkozuk@yandex.ru*

В статье автор анализирует исторические сведения о применении технологий медиации (примирения) в среде донских казаков в дореволюционный период. Обращается внимание на то, что данные технологии были порождены естественными потребностями сохранения внутреннего мира казацких общин в условиях их военной организации. Кроме того, в статье рассматриваются некоторые методологические проблемы медиации. Констатируется ее междисциплинарный характер, при этом критически оценивается современный «крен» в сторону юриспруденции. Приводится сравнение принципов медиационных технологий на основе обычного права и современных законодательных установлений. Так, критически рассматриваются такие принципы медиации, как добровольность обращения сторон к примирению, независимость медиатора, конфиденциальность медиации и т.п. Знания об исторических традициях примирения важны для работников органов власти и руководителей казачьих формирований на территориях современного проживания донских казаков: Волгоградской и Ростовской областей, Республики Калмыкия.

Ключевые слова: медиация, обычное право, казаки, конфликт, примирение.

Mediation in the Customary Law of Don Cossacks in the Context of its Modern Development

*Kozyuk Mikhail N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of Law and State
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Volgograd Branch,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

In the article the author analyzes historical information about applying technology mediation (conciliation) in Wednesday donskih kazakov in the pre-revolutionary period. Attention is drawn to the fact that these technologies were raised by natural needs of preserving the internal peace of the Cossack General in terms of their military organization. In addition, this article discusses some of the problems of metodologičeskie mediation. It is noted for its interdisciplinary nature, while critically assesses the modern "roll" at the side of the law. Provides a comparison of principles of mediation technology on the basis of customary law and modern legislative regulations. So critically discusses the principles of mediation as voluntary treatment parties to reconcile, the independence of the mediator, the mediation confidentiality

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Волгоградской области в рамках проекта проведения научных исследований «Медиативные технологии снижения социальной конфликтности в деятельности должностных лиц органов местного самоуправления Волгоградской области», проект № 16-13-34020.

etc. knowledge about historical traditions of reconciliation important for officials and leaders of the Cossack formations in the territories of modern accommodation donskih kazakov: Volgograd and Rostov oblasts and the Republic of Kalmykia.

Key words: mediation, customary law, Cossacks, conflict, reconciliation.

Среди современных проблем развития отечественной теории государства и права проблема медиации должна занимать, пожалуй, одно из приоритетных мест. Значимость этой проблемы, как видится, заключается в том, что проблема медиации затронула наиболее важные и болезненные стороны социального и правового развития и практически поставила многие мировоззренческие ментальные проблемы российского общества, которые ранее рассматривались лишь на уровне спекулятивных абстрактных идей. Так, например, проблема «Россия и Европа (Запад)» применительно к правовому сегменту в данном случае заключается в том, что сама и идея, и технология медиации были импортированы в отечественное законодательство только в первое десятилетие текущего века, чуть ли не в переводном, а, следовательно, вторичном виде. То есть если в центр идеи медиации поставить стремление к миру, то получается, что данную идею и технологию россияне получили с «барского» европейского плеча. В десятках публикаций на тему происхождения медиации авторы, похоже, чувствуя некую национальную неполноценность, массово доказывают, что медиация на Руси была известна и Псковской судной грамоте, и купеческим судам XIX века¹, при этом изначально общая

посылка состоит в том, что медиация или примирение — это социальная технология, присущая всем обществам, поскольку является условием их выживания. Далее ситуация становится курьезнее. Так, констатируется, что после Октябрьской революции 1917 года, когда частная собственность на основные средства производства была преодолена, медиация была забыта и возродилась только к концу XX столетия в связи с известными политическими событиями. При этом авторы, похоже, молчаливо констатируют, что в это время шла «война всех против всех», поскольку проблема примирения была неведома советскому обществу.

Современный дискурс медиации не позволяет пристально проанализировать эти проблемы, тема медиации изначально задана в жестких методологических рамках, подкрепленных нормативными положениями федерального законодательства. Принятый в 2010 году закон о медиации² ввел в социальную практику не просто смутные идеи, а вполне дееспособные технологии со своими внутренними двигателями, способными развивать данный процесс. Однако чисто юридический взгляд на проблему отсек ее многие немаловажные социальные аспекты, рассматриваемые социологами и социальными психологами. Поэтому обращение к истории явления выступает первым шагом на пути преодоления методологических затруднений. Так, например, по свидетельству собирателя сведений об обычном праве донских казаков М.Н. Харузина, третейские суды, установленные на основании ст. 48 и 49 Положения об общественном управлении в казачьих войсках от 13 мая 1870 г. в низовых станицах Войска Донского, казаки называли *медиаторскими*³. Конечно, само

¹ См. например: Гаева О.Х., Хайрусов Д.С. Историко-правовой аспект развития института примирения // История государства и права. 2008. № 6. С. 30–32; Карягина О.В. Медиативные технологии: практика правового регулирования в истории государства и права // Юрист-Правовед. 2012. № 3. С. 80–83; Мордовцев А.Ю., Агафонова Т.П. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект // История государства и права. 2013. № 24. С. 29–34; Елисеева Т.С. Развитие института медиации в отечественном праве: историко-правовой анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2015. № 3. С. 78–82; Башмакова Н.И., Рыжова Н.И., Кузнецова О.А. Историческая ретроспектива медиации как интегративного понятия; парадигмы изучения и междисциплинарность // Управленческое консультирование. 2015. № 6. С. 159–172.

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162; 2013. № 27. Ст. 3477. № 30. Ст. 4066.

³ Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885. С. 305.

по себе совпадение терминов, при всей его любознательности, не решает окончательно проблемы сути явления. По свидетельству того же автора сведения о работе третейских судов крайне скудны. Просматривая архивы станичных судов, он иногда встречал записи о решениях третейских судов, но они ничем не отличались от обычных решений. Эти материалы в основном касались дел торговых.

Применительно к проблеме медиационных технологий обычное право донских казаков имеет особую значимость. Дело в том, что само донское сообщество сложилось и существовало в определенной милитаризованной среде, где социальные конфликты в их крайней военно-вооруженной форме были не исключением, а повседневностью. Население, по крайней мере мужское, было постоянно вооружено, воспитывалось в духе воинских традиций, среди которых ценность человеческой жизни была не на первом месте. Готовность воевать, не щадить ни своей, ни чужой жизни — это казачья повседневность. Долгая «разбойничья» жизнь влияла на характерные личностные установки казаков, поэтому не нужно предаваться идеалистическим представлениям о бесконфликтности повседневной жизни казачьих сообществ. Все типы бытовых девиаций существовали в казачьих хуторах и станицах, порождая социальные конфликты. Однако стремление к примирению, снятию конфликтов встроено в повседневность казачьего быта, несмотря на своеобразие его военного уклада. Вполне понятно, что к этому принуждали не только религиозные воззрения, кстати, в работе Харузина нигде не упоминается роль священников в деле примирения, а суровая жизненная необходимость. Не может быть боеспособным войско, если в его составе между воинами нет мира и лада. А казачья община в военном отношении выступала как воинская единица. Идти в бой с человеком, с которым находишься во вражде, явно опасно, поэтому всеобщее стремление примирить воинственные характеры казаков выступает в виде некоего социального инстинкта.

Первое, на что нужно обратить внимание, так это на то, что медиация (примирение) и правосудие не были альтернативами, а органично дополняли друг друга.

Развести эти процедуры трудно и сейчас, если воспринимать судебную деятельность именно как *правосудие*, тем не менее современный законодатель рассматривает медиацию как альтернативу суду, чего на низовом уровне в казачьих общинах не было. Так, суд стариков, суд атамана, станичный суд во многом были направлены на примирение сторон, прекрасно понимая, что только так можно положить конец начавшемуся конфликту. По рассказам казаков, которые записал Харузин, при существовании суда стариков они следили за тем, чтобы в казачьей среде не было ссор и в случае обнаружения конфликта заставляли обидчика идти в дом к обиженному, «чтобы с поклоном в ноги испросить прощения»⁴. Таким образом, мелкие конфликты не доводились до следующей инстанции — станичного круга. Здесь любопытен некий своеобразный элемент медиации. Вот как его описывает исследователь. «Дела, превышавшие компетентность станичных кругов, решались в Войсковом кругу в Черкаске. Но прежде, чем перенести туда дело, казаки опять старались помирить враждующие стороны. Для этого атаман и старики нередко сами кланялись в ноги тяжущимся с просьбой помириться и не ездить на суд в Черкаск. Если враждующие не соглашались на мир, то оба в одном каюке (лодке) пускались вниз по Дону в главное Войско на суд; «но часто на пути, за крепительной чарой вина, будто неумышленно заводили между собой разговор и забывали о своей вражде... Атаман и старики встречали их и поздравляли с миром»⁵.

Положение 1870 года отняло право суда у станичного круга, передав его станичному суду, который в основном был аналогичен волостному. Вместе с тем требование нового Положения к судьям — склонять стороны к примирению — также соответствовало обычному праву казаков. Если рассматривать судебную процедуру по новому Положению, то само примирение начиналось еще на пути в суд. Поссорившиеся казаки, живущие на хуторах, первоначально прибегали к суду поселкового атамана и стариков. Если им не удастся помирить стороны, тогда дело

⁴ Там же. С. 297.

⁵ Там же. С. 299.

направляется в станичный суд. Иногда дело первоначально попадает к станичному атаману, который принимает меры к примирению. Обычно жалобы рассматриваются им не единолично, а вместе со стариками. Атаман «прочтет или выслушает жалобу, разберет все дело и старается затем склонить тяжущихся к миру: «все сам и решит по-семейному»: или же посылает к поселковому атаману с просьбой «помирить их как-нибудь»⁶. Если стороны в этой досудебной медиации не мирились, было еще одно общинное средство. «На воскресных и праздничных собраниях перед станичным правлением... собравшиеся часто оказывают добрую услугу поссорившимся станичникам, направляющимся в суд для разбирательства своего дела. Прежде чем эти последние дойдут до суда, им приходится пробираться сквозь собравшуюся толпу. Собравшиеся казаки, узнав в чем дело, стараются помирить поссорившихся и нередко достигают этого»⁷.

Однако наиболее интенсивное «принуждение к миру» происходит во время судебного заседания. Рассмотрев дело, судья спрашивает, не хотят ли стороны помириться. И если в одних станицах этот вопрос имеет формальный характер, то в других судьи старались помирить во что бы то ни стало: «Они употребляли при этом все свое красноречие, горячились, вскакивали с места, употребляли в ходе ласкательные и укорительные слова и в случае неуспеха, с досады плевали в сторону, говоря: «Тьфу, чтоб тебя, ... ишь ты какой горделивый»⁸. Иногда в ходе заседания делают своеобразный перерыв, предоставляя время для сторон, чтобы еще раз поискать путь к миру. Примирение было возможно по всем делам. И во многих случаях дело кончалось миром.

Вместе с тем нужно отметить, что все эти примирения обычно заканчивались пьянкой с судьями. При этом водка была общей, если во время примирения не было иного уговора. Вообще говоря, об обычном праве казаков, наверное, не нужно обходить один из неприятных для современных представлений моментов: во многие процедуры встроен алкоголь — «мога-

рыч», который играет различную, иногда отнюдь несимволическую роль. Так, скажем, он является средством подкупа судей, иных должностных лиц, а иногда и штрафом. Свою роль, учитывая особенности казачьего менталитета и характера, алкоголь играл и в проблеме примирения. «Горячо сердце казацкое, говаривали мне станичники — быстро вспыхнет гнев, но быстро и проходит: «На нас дивуются иногородние — чудной, говорят, народ вы, казаки: сегодня вы друг другу бороды повырвете, фонарей под глаза наставите, а завтра, глядишь, вы уже опять обнявшись идете»⁹.

В ракурсе современных проблем становления медиации следует обратить внимание еще на несколько особенностей казачьего обычного права. Одним из важных принципов современной медиации провозглашается ее конфиденциальность. Очевидно, что в данном случае речь идет о коммерческой тайне или о какой-то довольно искусственной ситуации современной городской семьи. Однако проблема в том, что и в современном обществе люди живут, как правило, не изолированно. Любой семейно-бытовой скандал, кроме его прямых участников, затрагивает достаточно много лиц: родственников, знакомых, сослуживцев и т.п., совокупное давление которых на участников конфликта способно перевесить их личные резоны. При этом коллективное мнение, как правило, исходит из более взвешенной оценки ситуации, что имеет большое значение для решения проблемы. Стороны понимают, что им в дальнейшем придется жить и со своим окружением, и значением этого факта не следует пренебрегать. В такой ситуации принцип конфиденциальности, по сути, никакой роли не играет. Если о том, что существует конфликт, знают все, то зачем же утаивать стремление к миру?!

Другой принцип современной медиации также довольно идеалистичен. Речь идет о добровольности действий сторон. Вначале — добровольное вступление в медиацию. Что может служить мотивом для участия в медиационных процедурах для конфликтующих сторон? Душевная некомфортность из-за конфликта? И это, конечно, тоже. Однако веским стимулом об-

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Там же. С. 304.

⁸ Там же. С. 315.

⁹ Там же. С. 305.

ращения к медиации являются вполне объективные обстоятельства материального плана, это, во-первых, а, во-вторых, если речь идет не об экономических, а социальных конфликтах, то также давление общественного мнения. И что означает в этом контексте добровольность? Чаще всего — это добровольность выбора между судом и медиацией. Но, в принципе, это не выбор, а определенная этапность решения проблемы.

Еще одним принципом медиации является независимость медиатора. Что означает независимость в этом контексте? Если речь идет о профессиональном (платном) медиаторе, то он зависим хотя бы от гонорара. Если речь идет о других случаях, то понятие «независимость» нужно как-то обосновать не только благотворительностью. Почему человек (медиатор) соглашается провести довольно сложную и трудоемкую (в норме) работу, вникая в проблемы посторонних людей? Скорее всего, у него есть какой-то личный, надемся позитивный, интерес. Медиационная деятельность довольно творческая, что без ярко выраженного интереса провести невозможно. Кроме случаев альтруистически настроенных личностей, примирительные действия в социальной среде выполняют друзья, знакомые, родственники, представители общественности, т.е. люди неравнодушные и ..., скорее всего, как-то зависимые от ситуации. И здесь мы подходим к одному из противоречий федерального закона или, по крайней мере, неясности. Дело в том, что многие профессии предполагают деятельность по поддержанию социального мира. Это, прежде всего, государственные и муниципальные служащие, руководители органов местного самоуправления, участковые уполномоченные полиции и т.п. Именно они на самом низовом уровне социального управления должны блокировать социальные конфликты, своевременно снимая социальную напряженность, добиваясь возвращения мира в дома граждан. Однако федеральный закон прямо запрещает данной категории лиц заниматься медиационными процедурами. Вполне понятно, что, скорее всего, законодатель имел в виду профессиональную или платную медиацию. Это вполне резонно. Однако из тек-

ста закона это прямо не следует. В итоге очень ценные знания медиативных технологий не рассматриваются в процессе обучения и повышения квалификации, указанной категории лиц, вроде бы на основе законодательного запрета. А ведь мы видели, что у донских казаков организаторами процедур примирения, а также их исполнителями были, прежде всего, выборные лица местной администрации: станичные и хуторские атаманы, судьи станичного суда.

Одним из явлений современной России является такой феномен, как движение за возрождение казачества. Феномен этот очень сложный, за прошедший четвертьвековой период своего существования, переживавший свои взлеты и падения. Несмотря на все трудности движения, как одно из достижений его можно констатировать подъем научного интереса к истории казачества, его нравам, обычному праву, культуре, менталитету. Многие особенности казачества, в частности Донского, сохраняются и у его современных представителей, проживающих в основном на территориях Волгоградской, Ростовской областей и Республики Калмыкия. Поэтому существует определенный научный и практический интерес в том, чтобы задействовать вековые технологии организации общинной жизни казаков, в том числе и в сфере преодоления социальных конфликтов. Историческими и технологическими знаниями об этом должны быть вооружены в первую очередь государственные и муниципальные должностные лица, представители общественности, руководители казачьих формирований с тем, чтобы на берегах Тихого Дона все чаще был слышен не шум от свар, скандалов и конфликтов, а любезный для казачьего сердца возглас — «Любо!»

Литература

1. Башмакова Н.И., Рыжова Н.И., Кузнецова О.А. Историческая ретроспектива медиации как интегративного понятия; парадигмы изучения и междисциплинарность // Управленческое консультирование. 2015. № 6.
2. Гаева О.Х., Хайрусов Д.С. Историко-правовой аспект развития института примирения // История государства и права. 2008. № 6.
3. Елисеева Т.С. Развитие института медиации в отечественном праве: историко-правовой ана-

- лиз // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2015. № 3.
4. Карягина О.В. Медиативные технологии: практика правового регулирования в истории государства и права // Юрист-Правовед. 2012. № 3.
 5. Мордовцев А.Ю., Агафонова Т.П. Медиация в истории российской государственности: юридико-конфликтологический аспект // История государства и права. 2013. № 24.
 6. Смирнов А.М. Неофициальное народное правосудие в среде российского крестьянства // История государства и права. 2016. № 10.
 7. Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8.
 8. Харузин М.Н. Сведения о казацких общинах на Дону: материалы для обычного права. Вып. 1. М., 1885.

Эволюция органов полиции Сибири в период Первой мировой войны

*Коновалов Игорь Анатольевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Омского государственного университета,
кандидат исторических наук, доцент
kopov77@mail.ru*

В статье рассмотрен процесс организационно-правового развития полиции в Сибири в период Первой мировой войны, освещена роль полиции в управлении регионом. Приведены юридические аспекты деятельности полиции

Ключевые слова: история государства и права, полиция, Сибирь, администрация, полицейский, губернатор, губерния, управление

Development of Siberia Police during the First World War

*Konovalev Igor A.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Omsk State University,
Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor*

The article is devoted to the development of police in Siberia in the prerevolutionary period. The author emphasizes the role of the police in managing the region. Also he covers issues of the organization of management, functions and main lines of action of police. The article highlights the key stages of the development of the police in Siberia during the period from the early First World war period.

Key words: history of the state and the rule, police, Siberia, administration, policeman, management.

В связи с началом Первой мировой войны в сибирских областях и губерниях вводилось состояние «положения чрезвычайной охраны», установленное на основании Высочайше утвержденного положения Комитета министров, принятого по предложению министра внутренних дел. В соответствии с этим положением 29 августа 1914 г., базировавшимся на Положении о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г.¹, сибирскими губернаторами были изданы так называемые «Обязательные по-

становления», устанавливающие в крае режим «положения чрезвычайной охраны». Управление Сибирью было обусловлено стремлением имперской власти установить в регионе военно-полицейский режим, усилить централизацию, которые бы обеспечивали бесперебойные поставки продукции военно-стратегического характера и способствовали предотвращению возможных революционных выступлений. Губернаторы и подчиненные им органы полиции стали осуществлять контроль практически над всеми сферами политической и социально-экономической жизни, главной целью их деятельности стало поддержание в

¹ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 1. СПб., 1885. № 350.

неприкосновенности общественно-политического строя и обеспечение безопасности работы всего государственного механизма.

Несмотря на то, что на начальном этапе Первой мировой войны ура-патриотические настроения захватили значительную часть сибиряков, проведение военной мобилизации в целом ряде районов региона сопровождалось массовыми столкновениями призывников с казачьими и полицейскими подразделениями. Мобилизованные в армию сибиряки требовали от военных и гражданских властей улучшения обеспечения обмундированием и продовольствием, а также выдачи семьям пособий. В селе Павловском столкновения были почти две недели, призванные в армию разогнали начальников военно-мобилизационных команд, а когда местный становой пристав попытался арестовать зачинщиков беспорядков, то мобилизованные его избили, вскрыли местную каталажную камеру и освободили всех арестованных, потом подожгли мировой суд и разгромили волостное правление. В Енисейской губернии мобилизованные громили винные лавки. Из села Батени едва смог выехать, переодевшись в гражданскую одежду, помощник уездного исправника Ситников. В селе Абаканском мобилизованные долго издевались над местными становым приставом и урядником. Жандармский ротмистр Смирнов писал: «Во всех беспорядках подчеркивались неуважение к полицейскому мундиру и озлобленность против чинов полиции, вылившаяся в некоторых местах до грубого издевательства над ними»².

Возрастание роли полиции в годы войны, усложнение и расширение возложенных на нее задач не было обеспечено соответствующим кадровым потенциалом. Ряд территорий Сибири не были охвачены присутствием сотрудников МВД. Еще во второй половине XIX в. в Енисейском округе на отдельного земского заседателя второго участка, состоявшего из Анциферовской волости, приходилось около двухсот тысяч квадратных верст подведомственной территории — территория среднего европейского государства. К началу XX в. это был самый крупный 2-й полицейский стан в Енисейской губернии,

включающий в себя всю Анциферовскую волость, тамошнему становому приставу были приданы в помощь всего два полицейских урядника. Однако больше всех подконтрольной территории в 1915 г. было у отдельного туруханского пристава — более полутора миллионов квадратных верст, с 15 378 местными жителями³.

В Сибири численный состав полицейского аппарата был значительно меньше, чем в европейских губерниях империи. Административно-полицейские задачи осуществлялись здесь в условиях более значительных пространств, но при значительно меньшей плотности населения. Еще 23 августа 1914 г. томский губернатор ходатайствовал перед МВД об увеличении штатов полиции губернии, необходимость чего обосновывал начавшейся мобилизацией. Тобольский губернатор в октябре 1914 г. также возбудил ходатайство об увеличении сотрудников полиции в губернии и окладов их содержания, а также об учреждении в Тюмени городского полицейского управления во главе с полицмейстером⁴.

Верховная власть была вынуждена, несмотря на целый ряд военных неудач, увеличить количество полицейских в регионе. Правительство окончательно утвердило Положение о введении полицейской стражи в областях и губерниях Сибири⁵. Были уменьшены действовавшие полицейско-административные округа — станы. В этой связи был усилен личный состав становых приставов. Согласно мартовскому Положению правительства 1915 г. «Об усилении полиции в губерниях и областях Сибири» в крае почти вдвое было увеличено число полицейских станов. Так, только в Томской губернии к 39 имеющимся должностям становых приставов была добавлена еще

³ Памятная книжка Енисейской губернии 1890 года с адрес-календарем / сост. под ред. действительного члена-секретаря статистического комитета Г.А. Хотунцова. Красноярск, 1891. С. 80; Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Издание Енисейского статистического комитета. Красноярск, 1915. С. 20, 66.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 137. Л. 8; Ф. 102. Оп. 72. Д. 155. Л. 3.

⁵ Сунгуров П.А. Введение полицейской стражи в Тобольской губернии (1916–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 194.

² История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 466.

31 новая должностная единица станковых приставов⁶. Было увеличено также количество служащих политической полиции. На Енисейскую губернию дополнительно распространились полномочия жандармского управления Томской железной дороги. Начальник управления располагался в Томске, а на территории губернии были размещены три жандармских отделения под началом ротмистров⁷.

Другое изменение было направлено на улучшение материального положения полицейских в условиях войны посредством увеличения размеров суточного довольствия. Надбавка составила от 12,5% (классным чинам) до 25% (младшим чинам). В частности, департамент полиции сообщил томскому губернатору, что 5 октября 1915 г. «сделано сношение с министром финансов об отпуске в ваше распоряжение на выдачу суточных денег чинам полиции, по Высочайше утвержденному 17-го февраля 1915 г. положению Совета министров, сверх суммы в 24 662 рублей 00 коп., указанной в отношении от 11 марта, еще 23 833 руб. 33 коп.» Отношением от 18 октября 1916 г. департамент полиции сообщил тобольскому губернатору, что 5 октября «сделано сношение с министром финансов об отпуске в ваше распоряжение на выдачу суточных денег чинами полиции, по Высочайше утвержденному 17-го февраля 1915 г. положению Совета министров, сверх суммы в 27 088 руб., указанной в отношении от 11 марта, еще 1 386 руб.»⁸

Однако коронным правительством не учитывались конкретные условия противостояния преступности в регионе, ощущалась также запоздалость принятия кадровых вопросов. Деятельность и организация органов внутренних дел должным образом не совершенствовались, в результате чего полиция края не была органом, способным противодействовать возрастающей пре-

ступности. Финансирование органов внутренних дел не соответствовало тем задачам, которые перед ними были поставлены, в результате чего штаты сотрудников не были доведены до соответствующих нормативов, уровень материального обеспечения полицейских не давал решить проблемы повышения профессионального уровня, текучести и некомплекта сотрудников. Сфера деятельности полиции, особенно в уездах, помимо поддержания правопорядка, поскольку в Сибири отсутствовало земское самоуправление, включала широкий спектр мероприятий хозяйственно-распорядительного и контрольно-надзорного характера. При этом органы МВД в регионе являлись основным инструментом реализации решений местных администраций, каковыми они сами и являлись в лице губернаторов и уездных исправников, а также контроля за их исполнением.

Законотворческая деятельность верховной власти не успевала за социально-политическими вызовами и конфликтами, и для того, чтобы отреагировать на общественно-политические проблемы, стоящие перед страной, законодатель был вынужден разрешать возникшие проблемы через принятие нормативно-правовых актов чрезвычайной направленности. Затянувшаяся подготовка полицейской реформы, неопределенность в сроках ее осуществления, смена министра внутренних дел, ухудшение экономического состояния империи после начала войны привели к тому, что назревшая реформа полиции так и не была осуществлена.

Осенью 1916 г. по представлению министра внутренних дел А.Д. Протопопова был принят законодательный акт «Об усилении полиции в 50 губерниях России и об улучшении служебного материального положения полицейских чиновников», серьезно увеличивший штаты МВД, по этому акту предполагалась новая разрядка городовых — по 1 городовому на 400 городских жителей. Новый министр внутренних дел настаивал на жестких мерах в отношении средств массовой информации, давал многочисленные указания об усилении ответственности за аграрные волнения и забастовки. Товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов отдал распоряжение, на случай начала массовых беспорядков, поставить

⁶ Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Издание Томского губернского статистического комитета. Томск, 1915. Статистические сведения. С. 3.

⁷ Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. С. 33.

⁸ Храмцов А.Б. Усиление личных составов полицейских управлений Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15. С. 74.

на вооружение городских полицейских управлений пулеметы⁹. Инициированный Министерством внутренних дел закон «Об усилении полиции в пятидесяти губерниях.....» предусматривал комплекс мероприятий по совершенствованию служебной подготовки сотрудников МВД. Однако он был принят уже в условиях резкого ухудшения криминогенной обстановки и роста социальной напряженности в стране и не мог уберечь империю от неминуемого краха. Действия верховной власти при реформировании полицейских органов не успевали за переменами, происходившими в обществе. Несмотря на непрерывный характер реформирования органов МВД Российской империи, преобразования в этой области не достигли позитивных результатов, правовое регулирование службы структурных частей и подразделений Министерства внутренних дел оставалось предметом ведомственного, подзаконного нормотворчества, а не законодательства.

Несмотря на наличие значительных запасов продовольствия в крае, цены на предметы первой необходимости в годы войны из-за спекуляции и повышения спроса значительно возросли. Самое большое повышение цен было на продукты питания, только за период 1916 г. они выросли в два-три раза, что серьезно ударило по жизненному уровню малообеспеченных жителей региона¹⁰. Настоящим бедствием для широких слоев населения Сибири была также происходившая девальвация национальной валюты. К концу 1916 г. рубль обесценился до 31 коп., т.е. почти в три раза¹¹. Чтобы как-то исправить положение руководители полицейских органов региона, губернаторы запретили сделки и соглашения, направленные на резкое повышение цен на предметы первой необходимости. Была запрещена продажа керосина, дров, свечей и продуктов питания по ценам, выше установленных местными губернаторами. Лица, которые нарушали данное постановление, могли быть арестованы на срок

до 3 месяцев, или оштрафованы на сумму до 3 тысяч рублей¹². Однако широкая мобилизация трудоспособных возрастов, потери и ранения на фронте, падение жизненного уровня и ужесточение политического режима вызывали недовольство войной и местным управлением. Осуществляемые полицией аресты дезертиров и уклонистов, неплательщиков налогов, распродажи и описи имущества вызывали еще большее раздражение местных жителей.

Экономика Российской империи была не подготовлена к долговременному напряжению, война и связанные с ней проблемы вели к разрушению и стагнации хозяйства. Сибирский регион, как составная часть России, не был исключением. Вступление страны в Первую мировую войну привело к резкой дестабилизации социально-экономической и политической обстановки. Подъем антиправительственных настроений, начавшийся в 1916 г., наряду с неизбежным ростом преступности показал, что передышка, предоставленная МВД для реформирования, была утрачена для дела совершенствования правоохранительной системы империи.

Война послужила катализатором краха политической системы Российской империи. Начальник жандармского управления Томской губернии в 1916 г. писал: «Становится заметна утомленность войной и тяжестью жизни из-за дороговизны и отсутствия рабочих рук»¹³. Еще большие опасения высказывало жандармское руководство Енисейской губернии, которое в 1916 г. сообщало в столицу, что «настроение малоимущих жителей городов крайне обострилось с наступлением весны и вновь усиливавшейся дороговизной на все предметы первой необходимости»¹⁴.

Механизм полицейского управления в регионе, в силу целого ряда причин, был плохо приспособлен к оперативному реагированию на происходящие события. Органы МВД были не в состоянии снизить уровень преступности в крае. Увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений. Распространилось самогонное варение и пьянство. Частыми, почти ежедневными

⁹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1983. С. 302, 306.

¹⁰ Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958. С. 250.

¹¹ История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 447.

¹² Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. С. 82, 85.

¹³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 387. Л. 3.

¹⁴ Цит. по: История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 447.

происшествиями стало подкидывание детей¹⁵.

В штат сотрудников полиции на замещение вакантных должностей в годы войны стали принимать людей случайных, не проявлявших усердия в борьбе с правонарушителями и представлявших порой угрозу для жизни и здоровья подданных. Так, 29 мая 1916 г. в Новониколаевске городской Ф. Прохоров во время вспыхнувшей за распитием спиртного ссоры застрелил местного крестьянина. В марте 1916 г. в Томске городской М. Колокольников, самовольно оставив службу, после употребления спиртных напитков на квартире сожительницы пытался открыть огонь из табельного оружия по прибывшим за ним коллегам, отправленным для его разоружения. В феврале 1917 г. в рапорте на имя томского губернатора пристав 2-го участка дал нелестную характеристику личности убитого в Томске городского, поступившего на службу в полицию в 1915 г., отмечая, что «...убитый городской Бакарев имел слабость к спиртным напиткам и не был особенно ревностным в службе»¹⁶.

Именно с деформациями, происходящими в самой системе правоохранительных органов, косностью структуры полиции, недостаточным вниманием к ее проблемам со стороны общества, неразработанностью законодательной базы для ее успешного функционирования были связаны многие сложные проблемы российского общества начала XX в. Отсутствие в крае земского самоуправления, недостаточный контроль за правоохранительными органами со стороны населения, слабое развитие демократических свобод создавали основу для развития коррупции и порождали должностные злоупотребления. В Новониколаевске в 1914 г. состоялась выездная сессия Омской судебной палаты — по результатам проведенного в 1909–1914 гг. расследования. На скамье подсудимых оказались новониколаевский по-

лицмейстер Б.П. Висман и семь его подчиненных. В ходе судебного процесса выяснилось, что вместо семи официально разрешенных в городе домов терпимости работало более ста. Содержатели незаконно работающих публичных домов выплачивали начальнику полиции и его подручным большие «откаты», причем «жриц любви» они отпускали только в тот трактир, где совладельцем был местный полицмейстер. В итоге у начальника новониколаевской полиции, на момент его привлечения к уголовной ответственности, скопилось солидная сумма — более 120 тыс. руб. Новониколаевский полицмейстер, два участковых пристава и околоточный надзиратель были приговорены Омской судебной палатой к восьми месяцам заключения, с отбыванием наказания в арестантских ротах¹⁷. Подобные случаи не были единичными, они накладывали крайне негативный отпечаток на отношении к сотрудникам и органам МВД у значительной части населения края. В годы войны словосочетания «сыщик» и «полицай» приобрели ругательное, негативное значение в лексиконе и сознании у большого количества сибиряков.

Для поддержания порядка в крае использовались чаще всего репрессивные меры. Сочетание полицейского произвола, основанного на формализме и бумаготворчестве, с репрессивными мерами было обычной практикой местного администрирования. Коронная власть втягивала МВД в обостряющуюся политическую борьбу, которая заслоняла правоохранительную деятельность, органы внутренних дел ощущали на себе всю ненависть подданных, которую они испытывали к существующему политическому строю. Охраняя, в первую очередь, существующий политический режим и, только во вторую очередь, права и свободы подданных, полицейские органы противопоставлялись сибирякам и утрачивали связь и доверие населения.

Система административно-полицейского управления в крае, как и во всей стране, стала давать сбои в своей деятельности, так как была плохо приспособлена для оперативного и быстрого реагирования на возникавшие события и проблемы. Не выдержав новых нагрузок, она быстро разрушалась под натиском революционных со-

¹⁵ Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск, 2002. С. 126–127.

¹⁶ Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы первой мировой войны (1914 — осень 1917 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1. С. 267.

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 178. Л. 180–182.

бытий в феврале-марте 1917 года. Вечером 28 февраля 1917 г. на железнодорожные телеграфы в Сибирь стали поступать сообщения о падении монархии в России. Почти все представители местной административно-полицейской вертикали власти в регионе не только не выразили протеста, но даже заявили о признании новых властей и готовности сотрудничать с ними. Однако уже 2–10 марта были арестованы степной и иркутский генерал-губернаторы, почти все вице-губернаторы и губернаторы края, а также большая часть руководителей крупных полицейских и жандармских подразделений¹⁸.

Литература

1. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 1. СПб., 1885. № 350.
2. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 72. Д. 137. Л. 8; Ф. 102. Оп. 72. Д. 155. Л. 3.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 178. Л. 180–182; Оп. 1. Д. 387. Л. 3.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
5. Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / под ред. А.М. Дамешек. Иркутск: Востсибкнига, 2012. 800 с.
6. История Сибири. Т.3. Л.: Наука, 1968. 527 с.
7. Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск. Очерки по истории города. Иркутск, 1958. 515 с.
8. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка (Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв.). Томск, 2002. 519 с.
9. Памятная книжка Енисейской губернии 1890 года с адрес-календарем / сост. под ред. действительного члена-секретаря статистического комитета Г.А. Хотунцова. Красноярск, 1891. 255 с.
10. Памятная книжка Енисейской губернии на 1915 год. Издание Енисейского статистического комитета. Красноярск, 1915. 128 с.
11. Памятная книжка Томской губернии на 1915 г. Издание Томского губернского статистического комитета. Томск, 1915. 282 с.
12. Сунгуров П.А. Введение полицейской стражи в Тобольской губернии (1916–1917 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-3 (48). С. 194–196.
13. Храмцов А.Б. Усиление личных составов полицейских управлений Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15. С. 70–75.
14. Цысь С.Н. Уличная преступность и обеспечение правопорядка в городах Томской губернии в годы первой мировой войны (1914 — осень 1917 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1. С. 267. С. 265–269.
15. Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск, 2009. 919 с.

¹⁸ Иркутский край. Четыре века. История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. С. 430; Энциклопедия города Омска. Т. 1. Омск, 2009. С. 251.

Эволюция принципов индивидуального и виновного вменения как условие возникновения и развития института вины в римском праве

*Юрчак Екатерина Валерьевна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина,
кандидат юридических наук, адвокат
yurchak@bk.ru*

В статье автор приводит историко-правовой анализ процесса возникновения, становления и развития института вины в римском праве в неразрывной связи с процессом эволюции принципов индивидуальной и виновной ответственности. Вина рассматривается как психологическое основание юридической ответственности и критерий индивидуализации наказания.

Ключевые слова: вина, римское право, индивидуальная ответственность, коллективная ответственность, объективное вменение, субъективное вменение, *culpa, dolus*.

Evolution of Principles of Individual and Fault-Based Liability as a Condition for Emergence and Development of the Guilt Concept in Roman Law

*Yurchak Ekaterina V.,
Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines
of the North-West Institute (Branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Candidate of Legal Sciences, Lawyer*

In the article the author presents historical and legal analysis of the occurrence of the process of formation and development of the Institute of guilt in Roman law in inseparable connection with the process of the evolution of the principles of individual responsibility and responsibility for fault. Guilt is seen as a psychological basis the legal responsibility and the criterion of individualization of punishment.

Key words: guilt, Roman law, individual responsibility, collective responsibility, objective imputation, subjective imputation, *culpa, dolus*.

Значение историко-правового анализа возникновения, становления и развития института вины в законодательстве состоит в выявлении стабильных тенденций его эволюции. Такие тенденции позволяют относительно достоверно прогнозировать дальнейшее развитие института вины. Многогранность и масштабность проблем истории вины и виновного вменения в праве не позволяют в рамках данного исследования осветить их во всей полноте, а поэтому останавлиюсь лишь на ключевых этапах становления и развития вины как социально-правового явления в римском праве.

На ранней стадии развития родового общества нормативные основы деятельности индивидов определялись интересами всего общества, возникали естественным путем. Соблюдение первобытных норм обеспечивало в первую очередь выживаемость коллектива.

Различные по характеру правонарушения не разграничивались. При наступлении вредных последствий не имели значения, привели к ним умышленные или неосторожные действия, или это следствие несчастного случая, действия людей оценивались по объективным признакам, вне связи с сознанием и волей. Понятие вины при родовом строе отсутствовало. Г. Спенсер отмечал, что, «пока среди обществ ведется деятельная борьба за существование, чисто животный элемент справедливости мало смягчается человеческим элементом»¹. В основе мести, независимой от вины причинителя вреда, лежит психическая природа человека: лицо, которому причинен вред, думает, прежде всего, о се-

¹ Спенсер Г. Синтетическая философия / пер. с англ. К.: Ника-центр, 1997. С. 451.

бе и о причиненном ему вреде, а не о причинах поведения лица, совершившего правонарушение.

В дальнейшем выделение из социального разнородного общества институтов публичной власти привело к появлению архаичного права. Привлечение лица к ответственности было основано на принципе коллективной ответственности и на объективном вменении: значение имело лишь то, совершено ли деяние, и кем оно совершено, вопрос о виновности деяния не исследовался. В силу компенсаторного характера ответственности вред потерпевшему роду возмещался в любом случае².

Указания на существование объективного вменения исследователи находят в древнееврейском, древнегреческом, древнеримском, древнегерманском, древнерусском праве и целом ряде других законодательств³.

Основанием наказания было лишь совершение деяния без учета отношения к нему лица, о чем свидетельствуют особенности древнего права: наказывались животные и даже неодушевленные предметы, широко распространена была коллективная ответственность и кровная месть. За проступок одного из членов рода перед другим родом отвечали все его члены. Но стоит отметить, что постепенно происходил распад групповой целостности рода. Проступок, совершенный одним из членов рода, влек для всего коллектива негативные последствия, поэтому не одобрялся. В конце концов группа отказывалась от защиты своего сочлена, делая его лично ответственным за свое поведение и выдавая для наказания⁴.

В раннем римском праве также существовала ответственность за объективно противоправное деяние, без учета вины причинителя вреда. В подтверждение данного вывода Фельдштейн Г.С. приводит следующие доводы: ряд тяжких правонарушений (убийство, например) требовал отпущения независимо от субъективного отношения правонарушителя к содеянному;

для назначения наказания было достаточно лишь деяния, якобы вызывающего гнев богов; лицо наказывалось, даже если только после совершения деяния заметило его общественную вредность; в гражданском праве игнорировалась разница между добросовестным и недобросовестным владением⁵.

Развитие принципа субъективного вменения стоит в прямой зависимости с развитием науки уголовного права и с прогрессом человечества в целом. Побудительным фактором перехода от объективного вменения к субъективному стало более полное понимание людьми окружающего мира, более правильное представление о взаимной связи явлений и их причинности. Месть как реакция на правонарушение уступила место более рациональным и более приспособленным к нуждам общества мерам наказания. С развитием общества медленно, но верно шел процесс автономизации личности и повышение ее значимости, что неизбежно вызвало переход от коллективной ответственности к индивидуальной, а соответственно пристальное и детальное исследование вины стало необходимым и обязательным условием наложения юридической ответственности.

Развитию принципов индивидуальной и виновной ответственности способствовали римские юристы, обратившие внимание на волю человека. Теория вины разрабатывалась в римском частном праве.

В Законе Аквилы (*lex Aquilia*, 286 г. до н.э.⁶) была предпринята первая попытка установления ответственности за причиненный ущерб лишь за виновные (умышленные или неосторожные) действия лица⁷.

Первой в римском праве возникла умышленная форма вины — злой умысел (*dolus malus*). Он определялся как воля совершить причиняющее ущерб действие, сознавая, что оно нарушает чужие права, и желательно как средство достижения цели⁸.

В современной литературе отмечают: не вполне ясно, что понималось под *dolus*, по-

² Кашанина Т.В. Происхождение государства и права: учебное пособие. М., 2004. С. 217.

³ Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М., 1902. С. 44.

⁴ Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. Л.: Гос. изд-во, 1925.

⁵ Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. С. 38–42.

⁶ *Lex Aquilia de damno injuria dato* // D. 9.2.1. pr.

⁷ Яблочков Т.М. Понятие вины в римском праве: черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине. М.: Лань, 2013. С. 52.

⁸ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник. М.: Норма, 2007. С. 137.

ведение лица или психическое отношение к нему⁹, так как термин обозначал и обман, коварство, хитрость¹⁰, и особый вид деликта — мошенничество¹¹.

Позже появилась еще одна форма вины — *culpa* (неосторожность). Ответственность лица зависела от того, была ли нарушена норма общего характера, налагающая на каждого обязанность вести себя в обществе осторожно и предусмотрительно, т.е. обязанность предвидеть возможные вредоносные последствия своих поступков¹². Эта форма вины устанавливалась, если лицо наносило вред другому без всякой мысли о том, исключительно вследствие нерадения»¹³, «если кто-либо заботился о чужом интересе менее того, чем вытекало из правовых предписаний в договорах доброй совести или норм обычного права при деликтных обязательствах»¹⁴.

Некоторые участники гражданского оборота не отвечали за неосторожно причиненный вред (например, хранители, землемеры), в связи с чем, с целью компенсации вреда, причиняемого их действиями, стали выделять, помимо неосторожности, грубую неосторожность — *culpa lata*. Под ней понималось отсутствие минимальной осмотрительности, продиктованной самыми элементарными правилами человеческого общежития, в котором выражалось поразительное легкомыслие и равнодушие к интересам других лиц¹⁵.

Затем наряду с грубой неосторожностью в римском праве начали выделять вторую форму неосторожности — легкую неосторожность (*culpa levis*).

Если грубая неосторожность граничила с умыслом, но отличалась от него отсут-

ствием прямого желания причинить вред¹⁶, то легкая неосторожность (или легкая вина) не имела такого тяжкого характера, ее критерием выступал рачительный хозяин, благоразумный человек¹⁷. Легкая неосторожность устанавливалась, когда не была проявлена мера заботливости, присущая доброму хозяину. Этот вид вины получил название *culpa (levis) in abstracto*, т.е. вина по абстрактному (отвлеченному) мерилу, установленному юристами¹⁸.

Наряду с грубой и легкой виной римское право знало и легчайшую вину (*culpa levissima*), при наличии которой отвечал господин, если его раб ранил или убил раба другого господина с его ведома. Однако широкого распространения эта форма вины не получила, а в договорные частноправовые отношения не проникла вообще¹⁹.

Вину исключал случай (*casus*). Общее правило ответственности заключалось в том, что за случай никто не несет ответственность, а имущественные потери ложатся на собственника вещи, что соответствовало принципу *casus sentit dominus* (случай поражает собственника)²⁰.

По римскому праву возможно было наступление ответственности без вины — *custodia*. Так, хранитель нес ответственность за сохранность вещи и в случае ее повреждения или хищения третьими лицами.

Таким образом, в римском праве вина была именно психологическим основанием ответственности, определяла ее степень²¹. Д.В. Дождев пишет, что «субъективный критерий ответственности предполагает психическое отношение должника к нежелательному для кредитора событию: намеренное нанесение вреда (*dolus*) или небрежность, неосмотрительность, неопытность

⁹ Дмитриева О.В. Римские правовые конструкции вины и ответственности и их влияние на современное гражданское право России // Юрид. записки. 2011. № 1(24). С. 124–130.

¹⁰ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. С. 479.

¹¹ Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1999. С. 434.

¹² Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. С. 138.

¹³ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. С. 482.

¹⁴ Рассолов М.М. Римское право: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 333.

¹⁵ Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 179.

¹⁶ Рассолов М.М. Римское право. С. 333.

¹⁷ Голубцова Ю.А. Понятие вины в римском частном праве и его восприятие в российском гражданском законодательстве // Вестник Пермского университета: Серия Юридические науки. 2013. № 4. С. 155–161.

¹⁸ Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М., 2012. С. 285.

¹⁹ Иванов И.С. Институт вины в налоговом праве: теория и практика. М.: Проспект, 2009. С. 24.

²⁰ Дернбург Г. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право / под ред. П. Соколовского. М., 1911. С. 118.

²¹ Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. С. 477.

(culpa)»²². В основе вины находилась «сознательная упречность воли лица»²³.

Рассолов М.М. делает вывод, что при умысле воля правонарушителя либо прямо, либо косвенно направлена на сознательное причинение вреда другому лицу путем лукавства, обмана или ухищрения. Неосторожность имеется налицо, если не было предусмотрено то, что могло быть предусмотрено заботливым человеком, или когда что-либо было объявлено лишь тогда, когда уже нельзя было избежать опасности²⁴. Таким образом, в римском праве можно увидеть элементы интеллектуального и волевого компонентов вины.

В римском праве организованные коллективные субъекты (объединения граждан, обладающие определенными признаками) несли самостоятельно юридическую ответственность. Неорганизованные коллективные субъекты — социальные общности (семья, население территории) — никогда не были субъектами ответственности. Организованные субъекты несли только имущественную ответственность, возможность их привлечения к уголовной ответственности в римском праве не обсуждалась²⁵.

Для раннефеодального права многих европейских государств было характерно разграничение форм вины. Так, вред, причиненный по причине вражды или коварства, влек более высокий штраф, чем небрежное причинение вреда. Но большее значение придавалось личности правонарушителя²⁶ и объективным обстоятельствам правонарушения. Вина устанавливалась по признакам, никакого отношения к психическому отношению лица не имеющим, иногда даже с помощью жребия.

В соответствии с принципом коллективной ответственности наказывались дети и иные родственники виновного, а также лица, присутствовавшие при совершении преступления.

Впоследствии учение римских юристов проникло в каноническое право. Принятие христианства и вытеснение языческих обычаев привело к исчезновению принципа коллективной ответственности. В соответствии с христианской доктриной поведение человека стало рассматриваться с точки зрения нравственных идеалов, а предметом суда становится грех преступления, совершенного человеком по своей воле. Таким образом, в законодательстве средних веков виновность отождествляется с греховностью²⁷.

В Средние века категория юридического лица впервые приобретает несвойственные ей функции, заменяя собой фактический коллектив как реальный субъект права. Если в римском праве коллективы наделялись качествами юридического лица исключительно для целей гражданского оборота, то сейчас корпорация рассматривается во всех ее проявлениях как единый юридический субъект, практические функции упрощения имущественного оборота отходят на задний план, уступая место целям публичным и политическим²⁸.

В работах канонистов (Иннокентий IV) корпорация признается дееспособным, но не имеющим собственной воли субъектом, который не может нести самостоятельную ответственность. Поэтому в силу признаваемой законом фикции волеизъявление юридического лица заменяется волеизъявлением его органа или представителя²⁹. Вина юридического лица определяется по вине его участников.

На основе римского права и положений, выдвинутых Иннокентием IV, Ф.К. Савиньи в Новое время обосновал свою теорию олицетворения, воспринятую законодателем в первой половине XIX века. Юридическое лицо — это личность вымышленная, реально не существующая, это фиктивный

²² Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М — Норма, 1997. С. 447.

²³ Торосян Э.И. О некоторых проблемах исследования древнеримской категории вины и ее отражения в современном праве // Юрид. наука в Кубанском государственном университете: сб. науч. трудов / отв. за вып. М.Д. Матиевский. Краснодар: Изд-во КубГУ. 1995. С. 16–19.

²⁴ Рассолов М.М. Римское право. С. 333.

²⁵ Самылов И.В. Коллективные субъекты юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Пермь, 2008. С. 16.

²⁶ История государства и права зарубежных стран: в 2 ч. / под ред. Н.А. Крашенинниковой и О.А. Жидкова. Ч. 1. М., 1996. С. 296.

²⁷ Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве // Варшавские университетские известия. Варшава, 1903. С. 33–45.

²⁸ Самылов И.В. Коллективные субъекты юридической ответственности. С. 14.

²⁹ Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. М., 1928. С. 106.

субъект, допускаемый только для юридических целей. Как простая фикция юридическое лицо не может иметь сознания и воли и, следовательно, недееспособно; этот недостаток дееспособности восполняется представительством. Противоположные взгляды на сущность юридического лица представителей различных школ права: германистов, романистов и других так или иначе основаны на том, что юридическое лицо — это не вполне реальный субъект права³⁰.

С развитием общества медленно, но верно шел процесс автономизации личности и повышение ее значимости, что неизбежно вызвало переход от коллективной ответственности к индивидуальной, а соответственно пристальное и детальное исследование вины стало необходимым и обязательным условием наложения юридической ответственности.

Таким образом, именно процесс эволюции принципов индивидуальной и виновной ответственности обусловил возникновение, становление и развитие института вины в римском праве.

Литература

1. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. М., 1928. С. 106.
2. Голубцова Ю.А. Понятие вины в римском частном праве и его восприятие в российском гражданском законодательстве // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 155–161.
3. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. 486 с.
4. Дернбург Г. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право / под ред. П. Соколовского. М., 1911. 412 с.
5. Дождев Д.В. Римское частное право: учебник для вузов / под ред. В.С. Нерсесянца. М.: ИНФРА-М-Норма, 1997. — 704 с.
6. Дмитриева О.В. Римские правовые конструкции вины и ответственности и их влияние на современное гражданское право России // Юрид. записки. 2011. № 1 (24). С. 124–130.
7. Есипов В.В. Преступление и наказание в древнем праве. // Варшавские университетские известия. Варшава, 1903. С. 33–45.
8. Иванов И.С. Институт вины в налоговом праве: теория и практика. М.: Проспект, 2009. 160 с.
9. Кашанина Т.В. Происхождение государства и права: учебное пособие. М., 2004. 325 с.
10. Косвен М. Преступление и наказание в догосударственном обществе. Л.: Гос. изд-во, 1925. 140 с.
11. История государства и права зарубежных стран: в 2 ч. / под ред. Н.А. Крашенинниковой и О.А. Жидкова. Ч. 1. М., 1996. 712 с.
12. Муромцев С.А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. 685 с.
13. Новицкий И.Б., Перетерский И.С. Римское частное право. М., 2012. 560 с.
14. Покровский И.А. История римского права. СПб.: Летний сад, 1999. 533 с.
15. Рассолов М.М. Римское право: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 495 с.
16. Самылов И.В. Коллективные субъекты юридической ответственности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Пермь, 2008.
17. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: учебник. М.: Норма, 2007. 464 с.
18. Спенсер Г. Синтетическая философия: пер. с англ. К.: Ника-центр, 1997. 512 с.
19. Танимов О.В. Юридические фикции: история, предпосылки возникновения и развития: монография. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2012. 136 с.
20. Торосян Э.И. О некоторых проблемах исследования древнеримской категории вины и ее отражения в современном праве // Юрид. наука в Кубанском государственном университете: сб. науч. трудов / отв. за вып. М.Д. Матиевский. Краснодар: Изд-во КубГУ. 1995. С. 16–19.
21. Фельдштейн Г.С. Учение о формах виновности в уголовном праве. М., 1902. 581 с.
22. Яблочков Т.М. Понятие вины в римском праве: черты индивидуализма в учениях римских юристов о вине. М.: Лань, 2013. 36 с.
23. Lex Aquillia de damno injuria dato // D. 9.2.1. pr.

³⁰ Танимов О.В. Юридические фикции: история, предпосылки возникновения и развития: монография. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2012. С. 75–88.